

9038

Цѣна **20** коп.

К. Марксъ и Ф. Энгельсъ.

О коммунизмѣ.

Переводъ и предисловіе

Т. Плехова.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„БУРЕВѢСТНИКЪ“

ОДЕССА. — 1905.

К. МАРКСЪ и Ф. ЭНГЕЛЬСЪ.

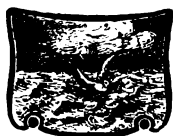
О коммунизъмъ.

Переводъ и предисловіе

Т. Плеханова.



Книгоиздательство



„БУРЕВЪСТНИКЪ“.

ОДЕССА. 1905.

Дозволено цензурою. Одесса, 3 іюня 1905 года.

ОДЕССА 1905.
Типо-літографія и нотопечатня И. Копельмана.
Троицкая, 26, уг. Пушкинской.

Въ сентябрѣ 1843 г. Марксъ писалъ Руге, приступая къ изданію «Deutsch-Französische Jahrbücher»:

«До сихъ поръ философы имѣли въ своемъ портфель разрѣшеніе всѣхъ загадокъ, и глупому міру непосвященныхъ оставалось только раскрыть ротъ, чтобы ловить жареныхъ рябчиковъ абсолютной науки. Теперь философія сдѣлалась свѣтской... Если конструированіе будущаго и окончательные результаты для всѣхъ грядущихъ временъ не наше дѣло, то тѣмъ опредѣленнѣе мы знаемъ, что намъ нужно совершить въ настоящемъ: я говорю о *безпощадной критикѣ всего существующаго*, безпощадной въ двухъ смыслахъ: въ томъ, что эта критика не боится собственныхъ результатовъ, и въ томъ, что она не отступаетъ отъ столкновенія съ преобладающими властями»¹⁾.

Этому критическому настроенію одного изъ будущихъ авторовъ «Манифеста» вполне соответствовало настроеніе другого его автора, Фридриха Энгельса, какъ это хорошо видно изъ его интересной статьи »Die Lage Englands», которая была напечатана въ «Deutsch-Französische Jahrbücher», и въ которой много мѣста отведено изложенію взглядовъ Карлейля.

Карлейль признавался, что у него нѣтъ никакихъ «Морисоновыхъ пилюль», никакихъ папачей для лѣченія общественныхъ бѣдствій. Указавъ на это признаніе, Энгельсъ замѣчаетъ: «Въ этомъ онъ тоже правъ. Еще очень несовершенна та общественная философія, которая выдаетъ два-три положенія за свой конечный результатъ и предлагаетъ «Морисоновы пилюли». Намъ не такъ нужны голые результаты, какъ *изученіе*. Результаты безъ развитія, которое ведетъ къ нимъ—ничто; это мы уже знаемъ со временъ Гегеля. А результаты, которые фиксируются какъ неизмѣнные и не кладутся въ основу дальнѣйшаго развитія, хуже, чѣмъ бесполезны. Но результаты все таки должны при-

¹⁾ См. переписку Маркса съ Арнольдомъ Руге въ 4-й книжкѣ „Socialdemokrat“.

несшимънять опредѣленную, хотя и временную форму; развитіе должно вывести ихъ изъ туманной неопредѣленности и сдѣлать изъ нихъ ясныя мысли»²⁾).

Въ теченіе времени, протекашаго съ тѣхъ поръ, какъ написаны были эти строки, социальная философія Маркса и Энгельса тоже пришла въ своемъ развитіи къ извѣстнымъ результатамъ, которые получили первое систематическое выраженіе въ «Манифестъ Коммунистической Партіи» и затѣмъ пополнялись въ другихъ сочиненіяхъ его авторовъ. Эти результаты никогда не грѣшили «туманной неопредѣленностью». Напротивъ, даже люди, не сочувствовавшіе имъ и пугавшіеся ихъ, вынуждены были признать, что «изученіе» привело Маркса и Энгельса къ цѣлому ряду ясныхъ и оригинальныхъ мыслей. Но если справедливо замѣчаніе Энгельса о томъ, что надо дорожить не столько *результатами*, сколько тѣмъ *развитіемъ*, которое ведетъ къ нимъ, и что вообще результаты имѣютъ лишь *временное значеніе*, то можно спросить себя: не устарѣли ли результаты, изложенные въ «Манифестъ» и не осуждены ли они дальнѣйшимъ ходомъ того самаго развитія, которое нѣкогда привело къ нимъ? Одинъ остроумный французъ замѣтилъ, что онъ не хотѣлъ бы думать какъ Вольтеръ въ такое время, когда Вольтеръ думалъ бы иначе. Мы должны послѣдовать примѣру этого француза. Если бы мы захотѣли думать, какъ Марксъ и Энгельсъ, въ такое время, когда Марксъ и Энгельсъ думали бы иначе, то показали бы этимъ полную неспособность усвоить живой критическій *духъ* ихъ ученія и, отстаивая его мертвую *букву*, мы были бы отъ него гораздо дальше, чѣмъ тѣ догматики, о которыхъ говорилъ Марксъ въ цитированномъ выше письмѣ къ Арнольду Руге.

Марксъ и Энгельсъ беспощадно критиковали все существующее и не боялись результатовъ своей критики. Ученики Маркса и Энгельса не должны бояться критиковать результаты, добытые ихъ учителями.

Казалось бы, что это само собою разумѣется, и что говорить объ этомъ излишне въ особенности теперь, когда во всей Европѣ—отъ Петербурга до Неаполя и отъ Самары до Дублина—развелось такъ много марксистовъ, стоящихъ «*подъ знакомъ критики*». Но въ томъ то и дѣло, что бываютъ разные «*знаки критики*». Давно уже было сказано, что не всякій, повторяющій: Господи, Господи! войдетъ въ царствіе небесное. Теперь приходится сказать, что не всякій, твердящій «критика, критика»,

2) „Deutsch-Französische Jahrbücher“ SS. 167—168.

способенъ возвыситься надъ *догматизмомъ*. Люди «критикующіе» Маркса и Энгельса, многочисленны теперь, какъ песчинки на днѣ морскомъ. Критика марксизма стала модой въ нѣкоторыхъ кругахъ интеллигенціи всѣхъ странъ. Но мода и критика плохо уживается одна съ другой. И чѣмъ болѣе критика марксизма становится дѣломъ моды, тѣмъ болѣе утрачиваетъ она *всякое критическое содержаніе*. Объявляя устарѣлыми тѣ результаты, къ которымъ пришли Марксъ и Энгельсъ, господа критики не ставятъ на ихъ мѣсто ничего *новаго* и частью ограничиваются безсодержательнымъ и скучнымъ повтореніемъ слова «критика», а частью возвращаются на точку зрѣнія *буржуазныхъ современниковъ* или даже *предшественниковъ* Маркса и Энгельса. Само собою разумѣется, что *такая* критика нисколько не спасаетъ отъ догматизма, и что *такое* движеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо *поступательнымъ*.

Слабость «критической» мысли господъ критиковъ Маркса съ особенной яркостью обнаруживается въ области философіи. Здѣсь они противопоставляютъ такъ называемому ими догматизму матеріалистовъ довольно уже пожилую догму кантіанцевъ о непознаваемости внѣшняго міра. Разбирать здѣсь эту догму было бы неумѣстно, и потому только мы замѣтимъ, что, отвергая матеріализмъ, господа критики не даютъ себѣ труда хорошенько ознакомиться съ этой теоріей и довольствуются тѣмъ представленіемъ о ней, которое усердно культивируется во славу религіи учеными, полу-учеными и совсѣмъ неучеными филистерами и попами разныхъ странъ, и въ основѣ котораго лежитъ христіанское противоположеніе матеріи и духу³⁾.

Въ «Манифестѣ Коммунистической Партіи» мы имѣемъ дѣло исключительно съ «*соціальной философіей*» Маркса и Энгельса. О ней и пойдетъ у насъ рѣчь въ нашемъ предисловіи. Но и она очень обширна, Всестороннее разсмотрѣніе ея невозможно въ этомъ предисловіи. Поэтому мы разсмотримъ здѣсь лишь *основную мысль* «Манифеста», а отдѣльныя его положенія разсмотримъ въ брошюрѣ «Критика нашихъ критиковъ», подготовляемой нами къ печати.

³⁾ Главнымъ научнымъ источникомъ, изъ котораго черпаютъ теперь эти господа свои свѣдѣнія о матеріализмѣ, является извѣстная исторія матеріализма Ланге. Но Ланге самъ никогда не могъ взглянуть на матеріализмъ глазами трезваго и безпристрастнаго изслѣдователя. Его книга сдѣлала очень много не для критики матеріализма, а для распространенія и укрѣпленія въ публикѣ неправильнаго взгляда на его историческое развитіе и на его значеніе для общественной науки нашего времени.

«Основная мысль, пропитывающая собою весь «Манифестъ», та мысль, что въ каждую данную историческую эпоху экономическое производство и неизбежно обусловленное имъ строеніе общества составляютъ основу политической и умственной исторіи; что, соотвѣтственно этому, вся исторія, съ тѣхъ поръ, какъ разложилось первобытное общинное землевладѣніе, была исторія классовою борьбы... но, что эта борьба достигла теперь той ступени, на которой эксплуатируемый и угнетаемый классъ... не можетъ освободиться отъ эксплуатирующаго и угнетающаго его класса... не освободивъ въ то же время и навсегда всего общества отъ эксплуатации, угнетенія и классовою борьбы,—эта основная мысль принадлежитъ единственно и исключительно Марку».

Такъ говоритъ Энгельсъ. Правъ ли онъ? Не совѣмъ. Во-первыхъ, Энгельсъ не правъ, сводя къ нулю свое собственное участіе въ разработкѣ основной мысли «Манифеста». Во-вторыхъ, нѣкоторые, очень важные *элементы* этой мысли встрѣчаются въ гораздо болѣе ранней соціально-политической литературѣ.

Профессоръ Антонио Лабріола въ своемъ прекрасномъ опытѣ «Въ память Манифеста Коммунистической Партіи» справедливо замѣчаетъ, что уже древніе историки, а въ новое время итальянскіе историки эпохи Возрожденія хорошо понимали значеніе классовою борьбы, происходившей на ихъ глазахъ въ тѣсныхъ предѣлахъ городскихъ республикъ. Не менѣе справедливо и то замѣчаніе Лабріолы, что классовая борьба, принявшая гораздо болѣе широкіе размѣры въ современномъ государствѣ все болѣе и болѣе бросалась въ глаза въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка. Но онъ ошибается, полагая, что историческое значеніе этой борьбы съ наибольшою ясностью сознано было въ концѣ этого періода,—именно, въ промежутокъ времени отъ 1830 до 1850 г. Въ дѣйствительности, пониманіе классовою борьбы, какъ важнѣйшаго двигателя историческаго развитія, уже въ двадцатыхъ годахъ достигла такой степени ясности, которая была превзойдена развѣ только въ сочиненіяхъ авторовъ «Манифеста». Въ эпоху же 1830—1850 гг. пониманіе это отчасти затемнилось подъ вліяніемъ причинъ, которыя мы укажемъ ниже.

Уже въ своихъ «Lettres d'un habitant de Geneve», вышедшихъ въ 1802 г., Сенъ-Симонъ говоритъ объ отношеніяхъ между «имущимъ» и «неимущимъ» классами, и *борьбой этихъ классовъ* объясняетъ ходъ и исходъ французской революціи. Но это сочиненіе содержитъ въ себѣ лишь зародыши взглядовъ Сенъ-Симона. Гораздо полнѣе высказываются они въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ,—напр., въ «Organisateur» (знаменитая «Парабола»), въ «Lettres à Messieurs les Jurés», «Du système indu-

striel», «Catechisme des industriels» и «Opinions littéraires, philosophiques et industriels». Производство есть цѣль общественнаго союза, а потому люди руководящіе производствомъ всегда стояли и всегда будутъ стоять во главѣ общественнаго союза. До пятнадцатаго столѣтія свѣтская власть находилась въ рукахъ дворянства. Это не могло быть иначе потому, что дворянство руководило тогда земледѣльческими работами, а земледѣльческія работы были тогда единственно важной отраслью промышленной дѣятельности⁴). Но мало по малу, въ періодъ отъ перваго крестоваго похода до Людовика XI возникъ и организовался въ независимую отъ дворянства силу новый общественный классъ,—промышленники въ собственномъ смыслѣ слова,—который еще больше окрѣпъ и выросъ въ эпоху, отдѣляющую царствованіе Людовика XI отъ царствованія Людовика XIV. Въ теченіе всей этой эпохи промышленный классъ не переставалъ бороться съ дворянствомъ и отнимать у него одну экономическую позицію за другою. Нуждаясь въ сильной поддержкѣ, онъ заключилъ союзъ съ королевской властью, и этотъ союзъ опредѣлилъ собою дальнѣйшее политическое развитіе Франціи вплоть до того времени, когда королевская власть, въ лицѣ Людовика XIV, измѣнила своему вѣрному союзнику и сдѣлалась покровительницей аристократіи. Это была ошибка, дорого стоившая Бурбонамъ, но не остановившая развитія промышленнаго класса. Французская революція и послѣдовавшія за нею событія вызваны были борьбою новаго промышленнаго порядка со старой феодальной системой, сторонники которой сдѣлали во время реставраціи новую попытку вернуть свое старое вліяніе и значеніе. Но ихъ усилія осуждены на неудачу; ихъ вліяніе навсегда утрачено. «Въ теченіе пятнадцати вѣковъ—говоритъ Сенъ-Симонъ—феодальная система постепенно дезорганизовалась, а промышленная система постепенно организовалась. Достаточно будетъ тактичнаго поведенія главныхъ представителей промышленности, чтобы окончательно установить промышленную систему и очистить общество отъ развалинъ того феодальнаго зданія, въ которомъ жили когда то наши предки»⁵).

Историческіе взгляды Сенъ-Симона были почти цѣликомъ усвоены его «пріемнымъ сыномъ», Огюстенемъ Тьерри, такъ много сдѣлавшимъ впоследствии для французской исторической науки. Огюстенъ Тьерри стоялъ на точкѣ зрѣнія «третьяго сословія» и хорошо понималъ это. Въ 1818 г. онъ писалъ въ «Censeur Euro-

⁴) Opinions littéraires, philosophiques et industriels. Paris 1825, pp. 144—145. Ср. Catechisme des industriels въ OEuvres de Saint-Simon, изданныхъ О. Родригомъ, Paris, 1832, p. 18.

⁵) OEuvres p. 59.

реер»: «Кто изъ насъ слышалъ о томъ классѣ людей, который сохранилъ для человѣчества промышленное искусство и привычку къ труду во время наводненія Европы варварами? Постоянно подвергаясь притѣсненіямъ и грабежу со стороны своихъ побѣдителей и повелителей, эти люди вели тягостное существованіе, получая въ вознагражденіе за свой трудъ лишь сознаніе того, что они поступаютъ хорошо и сохраняютъ цивилизацію для своихъ дѣтей и для всего міра. Эти спасители нашихъ искусствъ были нашими отцами. Мы дѣти тѣхъ крѣпостныхъ, тѣхъ данниковъ, тѣхъ буржуа, которыхъ безпощадно попирали завоеватели. Мы всѣмъ обязаны имъ... Но, недавно освобожденные рабы, мы хранили память лишь о семьяхъ и о дѣйствіяхъ своихъ господъ. Только тридцать лѣтъ тому назадъ мы вспомнили, что наши отцы составляли націю. Мы всѣмъ восхищались и все изучали, за исключеніемъ того, что было совершено ими. Мы были патриотами и забывали тѣхъ, которые въ теченіе четырнадцати вѣковъ воздѣлывали почву нашего отечества, которую такъ часто опустошали другія руки»⁶⁾).

Два года спустя, Тьерри возвращается къ той же темѣ и доказываетъ, что французы еще не имѣютъ настоящей исторіи своего *народа*. Исторія гражданъ, исторія подданныхъ еще не написана, а между тѣмъ она гораздо интереснѣе и способна вызвать гораздо больше симпатій, чѣмъ исторія высокопоставленныхъ лицъ и королей, — «единственная исторія, о которой намъ говорятъ». Движеніе народныхъ массъ къ свободѣ и благосостоянію представляютъ собою болѣе величественное зрѣлище, чѣмъ походы завоевателей, а бѣдствія народа трогательнѣе бѣдствій королей, лишившихся своихъ престоловъ. Если бы нашлось перо, достойное написать исторію народныхъ массъ, то французы узнали бы, что ихъ города могутъ гордиться «не только тѣмъ, что въ нихъ жили тѣ или другіе аристократы, или что черезъ нихъ проходилъ тотъ или другой король. Они узнали бы также, что политическая жизнь народа не ограничивалась уплатой податей и поставкой рекрутъ»⁷⁾).

Уже эти краснорѣчивыя тирады ясно показываютъ, какимъ образомъ ростъ самосознанія третьяго сословія во Франціи вызвалъ коренную перемѣну во взглядахъ французскихъ историковъ. Для ученыхъ плебеовъ того времени исторія третьяго сословія

⁶⁾ Цитировано имъ самимъ въ его *Dix ans d' Etudes historiques*. Paris, 1837, préface, p. VIII.

⁷⁾ См. первое письмо объ исторіи Франціи, перепечатанное въ *Dix ans d'Etudes historiques*, p. 325.

была интереснѣе исторіи двора и аристократіи, и потому они почувствовали потребность разработать именно исторію третьяго сословія. А такъ какъ эта исторія въ теченіе многихъ столѣтій была исторіей всего народа за исключеніемъ дворянства и духовенства, то неудивительно, что народная жизнь прошлыхъ вѣковъ стала привлекать къ себѣ главное вниманіе исторической науки, прежде занимавшейся лишь королями и аристократами. Въ исторической наукѣ временъ реставраціи сказалось то же самое настроеніе третьяго сословія, которое еще въ семнадцатомъ вѣкѣ начало сказываться въ области изящной литературы и литературной критики. Извѣстны психологическіе мотивы, вызвавшіе появленіе такъ называемой *мъщанской драмы*. «Что за дѣло мнѣ, мирному гражданину монархическаго государства 18-го столѣтія, — писалъ Бомаршэ, — до смерти какого-нибудь цѣлопонезскаго тирана или до принесенія въ жертву царской дочери въ Авлидѣ? Все это совершенно до меня не касается, во всемъ этомъ нѣтъ ничего поучительнаго для меня»⁸⁾. Бомаршэ и его единомышленники хотѣли, чтобы на сценѣ съ любовью и вниманіемъ изображались бытъ и страданія людей современнаго имъ третьяго сословія. Классическая трагедія раздражала и оскорбляла ихъ своимъ пристрастіемъ къ высокопоставленнымъ героямъ. «Изображать горе и несчастія людей средняго состоянія! съ горечью восклицалъ Бомаршэ, *Fi donc!* Ихъ можно только осмѣивать! Смѣшныя граждане и несчастные короли — вотъ чѣмъ ограничивается область, доступная театру. Такъ мы и будемъ знать»⁹⁾.

Буржуазія восемнадцатаго столѣтія хотѣла «имѣть свой портретъ», и ея литературные представители попытались изобразить ея тогдашнія черты въ герояхъ *мъщанской драмы*¹⁰⁾. Подобно этому, во время реставраціи, буржуазія, отстаивавшая свои соціально-политическія завоеванія отъ настойчивыхъ посягательствъ со стороны приверженцевъ стараго порядка, хотѣла слышать разсказъ о ея собственныхъ дѣтскихъ и юношескихъ годахъ, и ея ученые представители принялись писать для нея назидательное и интересное повѣствованіе о притѣсненіяхъ, которымъ она нѣкогда подвергалась, объ ея усиліяхъ завоевать себѣ лучшую долю и объ ея успѣхахъ въ борьбѣ противъ притѣснителей. Такъ

⁸⁾ Essai sur le genre dramatique sérieux въ OEuvres complètes. Paris 1828, t. I, p. 11.

⁹⁾ Lettre sur la critique de Barbier de Seville въ OEuvres complètes t. I, p. 258.

¹⁰⁾ Ср. Брюнетьера, Les époques du théâtre français, Paris 1896, p. 287.

создалось новое направленіе въ исторической наукѣ, представлявшее собою огромный шагъ впередъ въ ея развитіи.

Историки прежняго времени, интересовавшіеся преимущественно королями и аристократами, видѣли въ подвигахъ своихъ высокопоставленныхъ героевъ главныхъ двигателей историческаго развитія. Этотъ взглядъ усвоенъ былъ и просвѣтителями восемнадцатаго вѣка, у которыхъ онъ, согласно ихъ революціонному настроенію, видоизмѣнился въ ученіе о томъ, что мнѣнія правятъ міромъ. Несоостоятельное въ теоретическомъ отношеніи ученіе это имѣло то преимущество, что отводило широкое мѣсто воздѣйствію революціонныхъ *героевъ* интеллигенціи на угнетаемую государствомъ и высшими сословіями *толпу* средняго сословія. Но буржуазія временъ реставраціи, не задолго передъ тѣмъ нанеся смертельный ударъ старому порядку, уже не походила на подавленную толпу. Ея идеологи, проникнутые сознаниемъ ея силы и значенія, увидѣли въ ней самой главнаго героя историческаго движенія. Мы уже знаемъ, съ какимъ восторгомъ говорилъ Тьерри объ ея заслугахъ передъ человѣчествомъ и цивилизаціей.

Но разъ заинтересовавшись исторіей своихъ «отцовъ», ученые представители буржуазіи необходимо должны были составить себѣ совершенно новый взглядъ на историческое происхожденіе и развитіе общественныхъ учреждений.

«Удивительна—говоритъ Огюстенъ Тьерри—упорная склонность историковъ не признавать за массою никакой самодѣятельности, никакого творчества. Если какой-нибудь народъ выселяется, ища себѣ новаго мѣстожителства, то наши историографы и поэты объясняютъ это тѣмъ, что какой-нибудь герой рѣшился основать новую имперію съ цѣлью прославить свое имя; если возникаетъ какое нибудь новое государство, то это объясняется инициативой того или другого государя. Народъ, граждане всегда представляютъ собою лишь матерію, одухотворяемую мыслью отдѣльныхъ людей. Хотите въ самомъ дѣлѣ знать, кто создалъ данныя учрежденія, кому принадлежитъ мысль даннаго общественнаго предпріятія? Ищите тѣхъ, кому оно было нужно: имъ навѣрное принадлежитъ и первая мысль о немъ, и желаніе дѣйствовать, и значительная часть въ выполненіи. *Is fecit cui prodest*,—эта аксіома примѣнима въ исторіи не менѣе, чѣмъ въ юриспруденціи»¹¹⁾.

Эта новая точка зрѣнія—точка зрѣнія *общественнаго или классоваго интереса*—въ связи съ сочувствіемъ къ «отцамъ», вы-

¹¹⁾ Dix ans d'études historiques, p. 348.

несшимъ на своихъ плечахъ многовѣковую борьбу противъ высшихъ сословій, неизбѣжно должна была привести къ сознанию важнаго историческаго значенія борьбы различныхъ общественныхъ классовъ за свои интересы, т. е., короче — *классовой борьбы*. И дѣйствительно, уже въ началѣ своей литературной дѣятельности Огюстенъ Тьерри указываетъ на «борьбу классовъ и интересовъ» въ Англии (*lutte des classes d'hommes et des intérêts*), какъ одно изъ главныхъ послѣдствій завоеванія ея норманами ¹²⁾. Революціонное движеніе въ Англии 17-го вѣка изображается имъ, какъ борьба третьяго сословія съ аристократіей.

«Всякій, чьи предки принадлежали къ числу завоевателей Англии,—говоритъ онъ о первой англійской революціи,—покидалъ свой замокъ и ѣхалъ въ королевскій лагерь, гдѣ и занималъ положеніе, соотвѣтствующее его званію. Жители городовъ толпами шли въ противоположный лагерь. Тогда можно было сказать, что арміи собирались—одна во имя *праздности и власти*, другая—во имя *труда и свободы*. Всѣ праздношатающіеся, каково бы ни было ихъ происхожденіе, всѣ тѣ, которые искали въ жизни лишь достающихся безъ труда наслажденій, становились подъ королевскія знамена, защищая интересы, подобные ихъ собственнымъ интересамъ; и наоборотъ, тѣ изъ потомковъ прежнихъ завоевателей, которые занимались тогда промышленностью, присоединились къ партіи общинъ» ¹³⁾.

Но особенно замѣчательно то, что и въ религіозномъ движеніи того времени Тьерри видѣлъ лишь отраженіе «положительныхъ», житейскихъ интересовъ. «Съ обѣихъ сторонъ—говоритъ онъ—война велась за положительные интересы. Все остальное было внѣшностью или предлогомъ. Люди, отстаивавшіе дѣло *поданныхъ*, были по большей части пресвитеріанами, т. е., не хотѣли никакого подчиненія даже въ религіи. Тѣ же, которые примыкали къ противной партіи, принадлежали къ англиканскому или католическому исповѣданію; это было потому, что даже въ религіозной области они стремились къ власти и къ обложенію людей налогами» ¹⁴⁾.

Переходя къ современнику Тьерри—*Минье*, мы встрѣчаемъ совершенно тотъ же взглядъ на значеніе имущественныхъ интересовъ и на роль классовой борьбы въ исторіи цивилизованныхъ странъ. По словамъ Минье, «наиболѣе многочисленные и наибо-

¹²⁾ Въ статьѣ *Vue des revolutions d'Angleterre, Dix ans d'etudes historiques*, p. 16.

¹³⁾ *Ibidem*.

¹⁴⁾ *Ibidem*.

лѣе сильныя интересы диктуютъ законы и достигаютъ своей цѣли» (dictent la loi et arrivent à leur but)¹⁵⁾.

Легко понять отсюда, какое вліяніе имѣютъ, по его мнѣнію, интересы на развитіе общества. «Общественное движеніе,—говоритъ онъ—опредѣляется господствующими интересами. Движеніе это стремится къ своей цѣли посреди разныхъ препятствій, останавливается, разъ достигнута эта цѣль, и уступаетъ мѣсто другому движенію, которое сначала остается незамѣтнымъ и обнаруживается только тогда, когда дѣлается преобладающимъ. Таковъ былъ ходъ развитія феодализма. Феодализмъ существовалъ въ нуждахъ людей, еще не существуя фактически—первая эпоха; во вторую эпоху онъ существовалъ фактически, постепенно переставая соответствовать нуждамъ, и это послѣднее обстоятельство положило конецъ его фактическому существованію. Еще ни одна революція не совершалась другимъ путемъ»¹⁶⁾. Появленіе на исторической сценѣ городскихъ коммунъ измѣнило всѣ внутреннія отношенія тогдашнихъ обществъ. Въ Италіи коммуны добиваются полного господства, и тамъ возникаетъ демократія. Во Франціи онѣ оказываются вынужденными соединиться съ королевской властью и тѣмъ положить основаніе абсолютизму. Наконецъ, въ Англии, гдѣ онѣ соединяются съ феодалами противъ короля, является конституціонная монархія¹⁷⁾.

Такимъ образомъ, взаимное отношеніе важнѣйшихъ социальныхъ элементовъ европейскаго общества—т. е., аристократіи и третьяго сословія—опредѣлило собою политическое развитіе Европы. Чѣмъ болѣе росло третье сословіе, тѣмъ болѣе приближалось окончательное паденіе стараго общественнаго порядка. Во Франціи эпоха этого паденія была и эпохой революціи, къ которой Минье относился съ самымъ горячимъ сочувствіемъ. Его исторія французской революціи лучше всѣхъ другихъ его сочиненій показываетъ, до какой степени ясно сознавалъ онъ историческое значеніе классовой борьбы. Онъ прекрасно понимаетъ, что борьба политическихъ партій во время революціи выражала собою лишь противорѣчіе классовыхъ интересовъ. «Аристократическіе классы—говоритъ онъ—имѣли интересы, противоположные интересамъ національной партіи. Поэтому, дворянство и высшее духовенство, сидѣвшее на правой сторонѣ, были въ постоянной оппозиціи противъ этой партіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней всеобщаго увлеченія¹⁸⁾. Партія Дюпора, Барнава и Ламэтта представляла

¹⁵⁾ Du la feodalite, des institutions de St-Louis et de l'influence de la legislation de ce prince. Paris, 1822, p. 47.

¹⁶⁾ Ibidem, pp. 77—78.

¹⁷⁾ Ibid., p. 83.

¹⁸⁾ Histoire de la revolution française. Paris, 1827, t. I. p. 105.

собою «родъ оппозиціи внутри средняго класса»¹⁹⁾. Конституція 1791 г. была дѣломъ средняго класса, оказавшагося тогда сильнѣе другихъ; извѣстно.—прибавляетъ Минье,—что сила, достигшая господства, всегда овладѣваетъ учрежденіями»²⁰⁾. Антиреволюціонныя возстанія въ Кальвадосѣ, Жеводанѣ и Вандеѣ онъ объясняетъ тѣмъ, что эти мѣстности не сочувствовали революціи, «такъ какъ въ нихъ не было многочисленнаго средняго и образованнаго класса»²¹⁾. Жирондисты являются въ его глазахъ партией перехода отъ средняго класса къ простонародію (*la multitude*), между тѣмъ, какъ въ Дантонѣ, Робеспьерѣ, Камиллѣ Демуленѣ, Ф. д'Энглаитинѣ, Маратѣ и т. д., онъ видѣлъ истинныхъ вождей новаго движенія, начавшагося при посредствѣ низшаго общественнаго класса и направлявшагося противъ средняго класса, къ которому принадлежали Жирондисты по своему положенію и по своимъ привычкамъ²²⁾. Десятое августа было «возстаніемъ простонародія противъ средняго класса и конституціоннаго трона, подобно тому, какъ 14-е іюля было возстаніемъ средняго класса противъ привилегированныхъ классовъ, противъ абсолютной власти короны»²³⁾. Короче сказать, рѣшительно вся исторія французской революціи служить у Минье иллюстраціей того положенія, которое можно съ полнымъ основаніемъ назвать *формулой прогресса*, совершающагося въ цивилизованныхъ обществахъ: «перемѣны нарушаютъ интересы; интересы создаютъ партіи; партіи вступаютъ въ борьбу»²⁴⁾. Огюстенъ Тьерри не даромъ говорилъ, что Минье былъ одаренъ большимъ талантомъ обобщенія фактовъ и исторической индукціи.

Въ теченіе всей своей жизни Минье былъ сознательнымъ, откровеннымъ и послѣдовательнымъ представителемъ «средняго класса». Его идеаломъ было социальное и политическое господство этого класса. Онъ былъ рѣшительнымъ врагомъ «простонародья», поскольку оно угрожало этому господству.

«Безчинства Коммуны были ему омерзительны» говоритъ его біографъ, Эдуардъ Пти²⁵⁾. Но этотъ другъ жестокаго усмирителя Коммуны, Тьера, не испытывалъ передъ революціоннымъ способомъ дѣйствій того жалкаго чувства страха, смѣшаннаго со злобой, который испытываютъ передъ нимъ крупные и мелкіе

¹⁹⁾ Ibid., p. 111.

²⁰⁾ Ibid., p. 210.

²¹⁾ Ibid., p. 227.

²²⁾ Ibid., p. 276.

²³⁾ Ibid., p. 290.

²⁴⁾ Ibid., p. 213.

²⁵⁾ François Mignet, par Eduard Petit. Paris 1889, p. 286.

буржуа нашего времени. «Только силой можно добиться признания своихъ правъ»,—замѣчаетъ онъ въ самомъ началѣ своей исторіи революціи, прибавляя нѣсколькими страницами ниже, что до сихъ поръ «нѣтъ другого верховнаго владыки, кромѣ силы»²⁶⁾, Нынѣшніе историки не любятъ такихъ сентенцій. Старый Гизо объяснить намъ эту особенность ихъ вкуса.

Взгляды Гизо на коренную причину общественнаго развитія ничѣмъ не отличаются отъ взглядовъ Огюстэна Тьерри и Минье. Соціальныя отношенія и въ его глазахъ являются основой политическихъ отношеній. Большая часть писателей, ученыхъ, историковъ и публицистовъ—говоритъ онъ въ своихъ «Essais sur l'histoire de France»—старались объяснить данное состояніе общества, степень или родъ его цивилизація, политическими учрежденіями этого общества. Было бы благоразумнѣе начинать съ изученія самаго общества для того, чтобы узнать и понять его политическія учрежденія. Прежде, чѣмъ стать причиной, учрежденія являются слѣдствіемъ; общество создаетъ ихъ прежде, чѣмъ начинаетъ измѣняться подъ ихъ вліяніемъ; и вмѣсто того, чтобы судить о состояніи народа по формамъ его правительства, надо прежде всего изслѣдовать состояніе народа, чтобы судить, каково должно было быть, каково могло быть его правительство... Общество, его составъ, образъ жизни отдѣльныхъ лицъ въ зависимости отъ ихъ соціального положенія, отношенія различныхъ классовъ лицъ, словомъ, *гражданскій бытъ людей* (l'état des personnes),—таковъ, безъ сомнѣнія, первый вопросъ, который привлекаетъ къ себѣ вниманіе историка, желающаго знать, какъ люди жили, и публициста, желающаго знать, какъ люди управлялись»²⁷⁾.

По словамъ Гизо, у всѣхъ народовъ, явившихся на историческую сцену Европы послѣ паденія Западной Римской имперіи, гражданскій бытъ находился съ тѣсной причинной связи съ поземельными отношеніями, а потому изученіе поземельныхъ отношеній должно предшествовать изученію гражданского быта. «Чтобы понять политическія учрежденія, надо изучить различные слои, существующіе въ обществѣ и ихъ взаимныя отношенія. Чтобы понять эти различные общественные слои надо знать природу поземельныхъ отношеній»²⁸⁾. Съ этой точки зрѣнія Гизо и

²⁶⁾ Histoire de la revolution francaise, t. I, pp. 3, 13. Эти выраженія напоминаютъ извѣстное выраженіе Маркса: „сила всегда была повивальной бабкой стараго общества, беременнаго новымъ“.

²⁷⁾ Essais sur l'histoire de France, dixième edition (первое изд. вышло въ 1821 г.), pp. 73—74.

²⁸⁾ Ibid., pp. 75—76.

смотреть на исторію Франціи первыхъ двухъ династій. Она является у него исторіей борьбы между «*слоями*» тогдашняго населенія этой страны.

Исторія англійской революціи изображается имъ, какъ борьба буржуазіи съ аристократіей. Онъ называетъ остроумнымъ, но поверхностнымъ, тотъ взглядъ, согласно которому англійская революція была болѣе политической, чѣмъ соціальной, между тѣмъ какъ французская стремилась измѣнить всю совокупность общества и правительства²⁹). На самомъ дѣлѣ обѣ революціи имѣли одинаковое происхожденіе и одинаковую цѣль. Революціонное движеніе въ Англии началось подъ вліяніемъ измѣненій въ соціальныхъ отношеніяхъ и въ правахъ англійскаго народа. Между тѣмъ, какъ высшая аристократія утрачивала свое вліяніе на народъ и развращалась, мелкіе дворяне, фригольдеры и буржуа, занятые исключительно своими имущественнымъ дѣлами, все болѣе богатѣли и все болѣе подчиняли народъ своему вліянію. Постепенно, безъ шума и почти безъ собственнаго вѣдома, они сосредоточили въ своихъ рукахъ почти всѣ общественныя силы, — «истинные источники власти»³⁰). И по мѣрѣ, того, какъ совершалась эта коренная перемѣна въ общественныхъ отношеніяхъ, среднее сословіе («*les communes*») начало нетерпѣливо относиться къ тираніи. «Увеличеніе благосостоянія вызвало нужду въ ограниченіи произвола. Королевскія права, въ теченіе долгаго времени не вызывавшія никакихъ протестовъ, стали казаться злоупотребленіемъ»³¹). Такъ завязалась революціонная борьба, имѣвшая множество разнообразныхъ перепитій, но закончившаяся полнымъ торжествомъ средняго класса.

Гизо умѣетъ прослѣдить вліяніе «общественнаго состава» не только на политическій строй общества, но также и на совершающіяся въ немъ *умственныя теченія*. Соображеніе объ исторіи французской литературы, высказанныя имъ еще во время первой имперіи, заслуживали бы подробнаго разсмотрѣнія. Но по недостатку мѣста мы напомнимъ здѣсь только его разсужденія о театрѣ. По его мнѣнію, судьбы театра отражаютъ собою развитіе общественныхъ отношеній. Въ древней Греціи, гдѣ общественныя дѣла находились въ завѣдываніи всего народа, театръ служилъ всенароднымъ развлеченіемъ, отражавшимъ привычки и вкусы всѣхъ свободныхъ гражданъ. Напротивъ, въ обществахъ новаго времени, представляющихъ собою сложное сочетаніе различныхъ классовъ, занятыхъ трудомъ и вѣчно борющихся между собою за

²⁹) Histoire de la revolution d'Angleterre, Paris 1841, t. I, preface p. XXI (предисловіе подписано: апрѣль 1826).

³⁰) Ibid., pp. 9—10.

³¹) Ibid., pp. 11—12, ср. также Discours sur l'histoire de la revolution d'Angleterre.

преобладаніе, театръ становится развлеченіемъ высшихъ классовъ. Отъ этого много страдаютъ его достоинства. Упрочивъ свое положеніе, высшіе классы стремятся, обыкновенно, отдѣлиться и удалиться отъ остальной части общества. Они утрачиваютъ свойственныя народу простыя и естественныя привычки и проникаются искусственностью. Поэтому, область художественнаго творчества суживается и блѣднѣетъ. Для примѣра Гизо указываетъ на судьбы англійскаго театра послѣ реставраціи 1660 г. Въ своемъ презрѣніи къ народу англійская аристократія стала пренебрегать даже Шекспиромъ, объявивъ его неблаговоспитаннымъ. Французская трагедія тоже была созданіемъ высшихъ классовъ, и потому ея время прошло вмѣстѣ съ паденіемъ стараго порядка. Революція расчистила мѣсто для «новой драматической системы»³²⁾.

Конечно, здѣсь можно не согласиться съ отдѣльными частностями. Но нельзя не признать, что путь изслѣдованія причинной связи явленій намѣченъ здѣсь совершенно вѣрно. Именно по этому пути пошли впослѣдствіи наиболѣе даровитые критики и историки французской литературы, такъ хорошо подготовившіе почву для матеріалистическаго объясненія умственной исторіи цивилизованнаго человѣчества.

Политическая дѣятельность Гизо еще ярче обнаруживаетъ его классовую точку зрѣнія. Онъ самъ говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», что упроченіе господства среднихъ классовъ (*des classes moyennes*) было неизмѣннымъ его политическимъ стремленіемъ³³⁾. И онъ не только горячо и неустрашимо защищалъ интересы этихъ классовъ, но, по его собственнымъ словамъ, онъ хотѣлъ еще болѣе возвеличить ихъ дѣло, «перенеся его въ прошлое и обнаруживъ его интересы и превратности во всемъ теченіи французской исторіи»³⁴⁾. Это намѣреніе было блестяще выполнено имъ въ его политическихъ памфлетахъ. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ памфлетъ, носящій заглавіе «*Du Gouvernement de la France et du ministère actuel*» и вышедшій въ сентябрѣ 1820 года. Здѣсь Гизо выступаетъ убѣжденнымъ защитникомъ французской революціи. Революція эта была войной, совершенно подобной международнымъ войнамъ. «Въ теченіе тринадцати столѣтій во Франціи было два народа: народъ — побѣдитель и народъ — побѣжденный. Въ теченіе тринадцати столѣтій побѣжденный народъ боролся для того, чтобы свергнуть его народа-побѣдителя. Наша исторія есть исторія этой борьбы. Въ наши дни произошла рѣшительная битва. Эта битва называ-

³²⁾ См. чрезвычайно интересный *Etude sur Shakspeare*, въ первомъ томѣ французскаго перевода сочиненій Шекспира, Парижъ 1821.

³³⁾ *Memoires*, Парижъ 1858, t. I p. 8.

³⁴⁾ *Ibid.*, pp. 296—297.

ется революціей»³⁵). Результатъ ея очевиденъ. Народъ, бывший когда то побѣжденнымъ, сталъ побѣдителемъ и, въ свою очередь, завоевалъ Францію. Пресловутая хартія только признала, по словамъ Гизо, этотъ несомнѣнный *фактъ* и объявила его *правомъ*. Представительное правленіе было гарантіей этого новаго права³⁶). Споры, происходившіе въ палатѣ депутатовъ, могли казаться странными и непонятными лишь тому, кто смотрѣлъ на нихъ съ точки зрѣнія теоретика, не умѣя приурочить ихъ къ породившимъ ихъ обстоятельствамъ. Въ дѣйствительности, споры велись «между равенствомъ и привиллегіей, между среднимъ классомъ и старой аристократіей»³⁷). Старый порядокъ и новая Франція ведутъ борьбу не на жизнь, а на смерть. Всякая мысль объ ихъ примиреніи—химера³⁸).

Мы уже знаемъ, что Гизо понималъ причинную связь между общественными отношеніями съ одной стороны, и умственными теченіями, съ другой. Политическая полемика дала ему лишній случай высказать свой взглядъ на этотъ счетъ. Онъ заявляетъ, что «идеи, ученія и самыя конституціи» подчиняются обстоятельствамъ и принимаются народами только тогда, когда они являются орудіемъ и обезпеченіемъ ихъ интересовъ³⁹). Исторія англійской конституціи особенно хорошо показываетъ, по его мнѣнію, «до какой степени обстоятельства господствуютъ надъ мнимыми теоріями представительной системы»⁴⁰). Мы видимъ зданіе англійской конституціи и забываемъ о томъ, какъ оно строилось. «Мы приписываемъ человѣческой мудрости прогрессивное развитіе, бывшее плодомъ одной необходимости»⁴¹). Теоретики революціи ошибались «или *лгали*» (курсивъ нашъ), провозглашая самодержавіе народа. На самомъ дѣлѣ рѣчь шла не о самодержавіи всего народа, а о побѣдѣ одной части народа надъ другой его частью. Такъ какъ на сторонѣ третьяго сословія было огромное численное превосходство, то и возникла теорія народнаго самодержавія. Эта теорія была нужна въ то время, потому что силѣ необходима доктрина: людямъ «непремѣнно нужно думать и показать другимъ, что они правы»⁴²).

Сторонники контръ-революціи всегда отлично понимали, что для достиженія своей цѣли они должны захватить власть и вос-

³⁵) Du gouvernement de la France, pp. 1—2.

³⁶) Ibid., p. 5.

³⁷) Ibid., p. 22.

³⁸) Ibid., p. 108.

³⁹) Ibid., p. 91.

⁴⁰) Ibid., p. 127.

⁴¹) Ibid., p. 290.

⁴²) Ibid., p. 138.

пользоваться ею сообразно своимъ интересамъ. Средній классъ съ своей стороны долженъ помнить, что ему нужно не разрѣшать власть, а овладѣть ею ⁴³⁾.

Представительное правленіе существуетъ затѣмъ, чтобы сосредоточить въ себѣ и выразить общественныя нужды и стремленія, а также затѣмъ, чтобы облекать властью тѣхъ, которые умѣютъ понимать и удовлетворять эти стремленія и нужды ⁴⁴⁾. Само собою разумѣется, что по мнѣнію Гизо, такимъ умѣніемъ обладаютъ лишь представители «средняго класса» а оттого и власть должна, по его теоріи, принадлежать именно этому классу, а не той *population extérieure*, (такъ называетъ Гизо рабочую массу), права которой нужно признавать и защищать, но которая можетъ погубить и себя, и все государство, если только доберется до власти! ⁴⁵⁾

Когда Марксъ и Энгельсъ писали въ «Манифестѣ», что современная государственная власть есть не болѣе, какъ комитетъ, выбранный для завѣдыванія общественными дѣлами буржуазіи, они высказывали тотъ же самый взглядъ на созданное буржуазіей представительное правленіе. Только они оцѣнивали его уже не съ точки зрѣнія «*средняго класса*», а съ точки зрѣнія того именно «*внѣшняго населенія*» (*population extérieure*), о господствѣ котораго Гизо не могъ и подумать безъ страха.

Какъ бы тамъ ни было, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію то обстоятельство, что Гизо очень хорошо сознавалъ классовый характеръ представляемыхъ и защищаемыхъ имъ социально-политическихъ тенденцій. Когда сторонники стараго порядка стали обвинять его въ томъ, что, проповѣдуя борьбу классовъ, онъ разжигаетъ будто бы дурныя страсти, онъ отвѣчалъ, что ему хотѣлось только резюмировать исторію Франціи. Она полна борьбой сословій или, вѣрнѣе, *сдѣлана ею*. Это знали и это говорили за много вѣковъ до революціи. Это знали и это говорили въ 1789 г. Это знали и это говорили три мѣсяца тому назадъ ⁴⁶⁾. Я думаю, что и теперъ всѣ помнятъ объ этомъ, хотя меня и упрекаютъ въ томъ, что я высказалъ это. Факты не уничтожаются по желанію и для удобства министерствъ и партій. Что сказали бы всѣ тѣ мужественные буржуа, которыхъ посылали въ Генеральные Штаты для защиты и завоеванія правъ третьяго сословія, если бы, воскреснувъ теперъ, они услышали, что дворянство

⁴³⁾ Ibid., p. 237.

⁴⁴⁾ Ibid., p. 283.

⁴⁵⁾ Ibid., p. 326, note.

⁴⁶⁾ Писано въ 1820 году.

никогда не воевало съ третьимъ сословіемъ; что оно не чувствовало безпокойства при его возникновеніи, что оно не возмущалось при видѣ его роста, что оно не мѣшало его соціальнымъ и политическимъ успѣхамъ?... Выродившіеся потомки расы, нѣкогда господствовавшей надъ великой страной и заставлявшей трепетать королей, вы отречаетесь отъ своихъ предковъ и отъ своей исторіи! Вы сознаете свое паденіе и потому протестуете противъ своего былого величія!». Поднимая рѣчь о борьбѣ классовъ, Гизо совѣмъ не имѣлъ въ виду высказать что либо новое: борьба классовъ не теорія и не гипотеза—это самый простой фактъ. «И я повторяю,—восклицаетъ Гизо,—что не только нѣтъ никакой заслуги за тѣми, которые его видятъ, но почти смѣшно отрицать его». Гизо стыдится того, что ему, буржуа, приходится читать дворянству уроки французской исторіи и доказывать ему, что оно стало «слишкомъ смиренно въ своихъ воспоминаніяхъ». А на обвиненія его въ томъ, что онъ разжигаетъ страсти и сѣетъ раздѣленіе между гражданами, онъ отвѣчаетъ восклицаніемъ: «Какъ! Мы должны забыть нашу исторію только потому, что ея выводы оказались неблагопріятными для васъ?»

Эти выписки ⁴⁶⁾ достаточно характеризуютъ тогдашнее боевое настроеніе Гизо. Для болѣе полной характеристики укажемъ, впрочемъ, еще на эпитафю цитируемаго здѣсь сочиненія его «Du gouvernement de la France». Онъ взявъ изъ Паскалевыхъ «Pensées» и гласитъ такъ: *«Пріятно находиться на корабль во время бури, когда знаешь, что не погибнешь!»*

Во всемъ этомъ классовое самосознаніе буржуазіи выражается такъ ярко, что мы не нуждаемся въ дальнѣйшихъ выпискахъ. Поэтому мы не станемъ говорить здѣсь ни о книгѣ Армана Карелля: «Histoire de la contre-revolution en Angleterre» (Парижъ 1827), ни объ относящихся къ болѣе позднему времени сочиненіяхъ Алексѣя Токвиля. Мы считаемъ твердо установленнымъ тотъ фактъ, что уже во время реставраціи Сень-Симонъ и многіе ученые представители французской буржуазіи видѣли въ борьбѣ классовъ главнѣйшую пружину историческаго развитія народовъ новаго времени.

Мы думали, что полезно установить этотъ фактъ, такъ какъ онъ, повидимому, остался неизвѣстнымъ многимъ критикамъ «Манифеста Коммунистической Партіи». Вотъ, напр., Эмиль Вандервельдъ категорически утверждаетъ, что понятіе о классовой борьбѣ есть «пробный камень демократическаго социализма въ отличіе его отъ всѣхъ другихъ настоящихъ и пропешшихъ формъ со-

⁴⁶⁾ Сдѣланныя изъ Avant-propos третьяго изданія брошюры Du gouvernement de la France.

ціалізма буржуазнаго и утопіческаго», и что это понятіе «впервые было развито со всіми его послѣдствіями въ «Манифестѣ Коммунистической Партіи»⁴⁸⁾. Признаемся, что отъ человѣка, написавшаго, такъ сказать, юбилейную брошюру по поводу «Манифеста», можно требовать болѣе внимательнаго отношенія къ своему предмету.

Точно также и господинъ Вернеръ Зомбартъ, критикуя выказанный въ «Манифестѣ» взглядъ на великое историческое значеніе борьбы классовъ, ни единымъ словомъ не указываетъ на то, что въ сороковыхъ годахъ взглядъ этотъ не былъ новымъ въ политической литературѣ⁴⁹⁾. Вернеръ Зомбартъ придаетъ болѣе значеніе «исторіи догмъ» (Dogmengeschichte) въ новѣйшемъ социализмѣ. Отъ него тоже можно было бы требовать лучшаго знакомства съ этой исторіей. Въ статьѣ «Essai d'interprétation et de critique de quelques concepts du marxisme», напечатанной въ февральской книжкѣ «Devenir Social» за 1898 г., г. Бенедетто Кротче чрезвычайно старательно «критикуетъ» ученіе Маркса и Энгельса о борьбѣ классовъ. Но и этотъ старательный критикъ, какъ видно, очень далекъ отъ мысли о томъ, что борьбу классовъ проповѣдывали еще теоретики буржуазіи.

Укажемъ еще на Томаса Кэркона, который, «критикуя» ученіе Маркса съ самыхъ различныхъ сторонъ и довольно останавливаясь на «Манифестѣ», не догадывается спросить себя, точно ли мысль о классовой борьбѣ принадлежитъ исключительно Марксу⁵⁰⁾.

Съ критиками марксизма до сихъ поръ почти всегда происходили такія случаи: они не замѣчали дѣйствительныхъ промаховъ

⁴⁸⁾ „Золотая свадьба международного социализма“ (переводъ съ французскаго), Лондонъ 1899 г., стр. 5. Въ русскомъ переводѣ брошюры эта издана „Фондомъ Вольной Русской Прессы“ и снабжена маленькимъ предисловіемъ издателей, въ которомъ „эволюція здоровой социалистической мысли въ Европѣ“ противопоставляется „догмамъ германскаго социализма“. Почтенные сторонники „здоровой социалистической мысли“ не замѣтили ни вышеуказанной, ни другихъ ошибокъ Вандервельда и даже кое что прибавили къ нимъ изъ собственнаго запаса. Такъ, они называютъ Вандервельда „марксистомъ и притомъ однимъ изъ наиболѣе ученыхъ и талантливыхъ представителей парламентарнаго социализма“. Послѣднее справедливо! Вандервельдъ дѣйствительно—одинъ изъ наиболѣе ученыхъ и талантливыхъ представителей социализма (парламентарнаго и всякаго другого) въ Бельгіи. Но марксистомъ онъ никогда не былъ, какъ могли бы убѣдиться въ этомъ его русскіе издатели, ознакомившись съ другими его сочиненіями.

⁴⁹⁾ См. Sozialismus und soziale Bewegung im 19 Jahrhundert, SS 1—2.

⁵⁰⁾ См. A. History of Socialism by Thomas Kirkop, London 1900, главы 7, 8 и 9.

Маркса и Энгельса, но зато записывали на ихъ счетъ такія ошибки, которыхъ тѣ никогда не дѣлали.

Но промахъ промаху рознь. Разумѣется, очень хорошо, когда основатели данной теории знаютъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и не ошибаются въ своихъ сужденіяхъ о нихъ. Однако, никто не поставилъ бы Дарвину въ большую вину тѣхъ ошибокъ, которыя онъ сдѣлалъ бы, говоря о мѣстѣ, занимаемомъ его собственной теоріей въ исторіи ученій объ эволюціи. Но если кто-нибудь взялся за *критику* дарвинизма, а особенно, если бы онъ захотѣлъ написать *исторію трансформизма*, то онъ *обязанъ* былъ бы знать предшественниковъ Дарвина, и тогда было бы въ высшей степени странно, если бы онъ, говоря объ этихъ предшественникахъ, удовольствовался простымъ повтореніемъ того, что сказалъ о нихъ самъ Дарвинъ.

То же можно замѣтить о критикахъ марксизма и объ историкахъ социализма. Подъ ихъ перомъ совершенно непростительны такіе промахи по части «исторіи догмы», которые были вполне понятны и извинительны подъ перомъ Маркса или Энгельса.

Но оставимъ пока *критиковъ* и вернемся къ *предшественникамъ*.

Во время реставраціи французская буржуазія пережила не одну бурю. Но, ободряемая своими недавними колоссальными побѣдами надъ аристократіей, она вѣрила, что нѣтъ силы, способной положить предѣлъ ея господству, и бодро смотрѣла въ будущее, находя, что очень пріятно быть на кораблѣ во время бури, когда знаешь, что не погибнешь. Она не боялась тогда говорить о классовой борьбѣ и насмѣшливо отказывалась позабыть исторію своей собственной классовой борьбы въ угоду выродившейся аристократіи. Но увы! Все течетъ, все измѣняется. Прошло какихъ-нибудь два-три десятка лѣтъ, и буржуазія была вынуждена взглянуть на классовую борьбу съ другой точки зрѣнія. Рабочій классъ, — внѣшнее населеніе, какъ называлъ его Гизо, — началъ борьбу противъ ея собственнаго классоваго господства. Вслѣдствіе этого кореннымъ образомъ измѣнилось настроеніе буржуазіи: изъ *революціоннаго* оно превратилось въ *консервативное*. Сорокъ-восьмой годъ былъ страшнымъ урокомъ для буржуазіи. Какъ хорошо поняла она смыслъ этого урока, видно изъ того, что съ этого времени ея теоретики стали проповѣдывать «*соціальный миръ*». Всегда чрезвычайно внимательно и чутко относившійся къ положенію и нуждамъ «средняго класса», Гизо уже въ январѣ 1849 г. выпустилъ брошюру: «*De la Démocratie*», въ которой воспѣвается соціальный миръ, ведущій къ «свободѣ, спокойствію, благоденствію, достоинству» и ко всѣмъ дру-

гимъ «вещественнымъ и духовнымъ благамъ». Гизо и въ 1849 г. помнилъ, что социальная война «сдѣлала» исторію Франціи; но теперь война эта представляется ему уже не двигателемъ прогресса, а какимъ-то ящикомъ Пандоры, изъ котораго сыплются на его страну ужаснѣйшія бѣдствія. «Борьба различныхъ классовъ нашего общества наполняетъ собою нашу исторію», повторяетъ онъ. Революція 1879 г. была самымъ обшимъ и самымъ могучимъ ея проявленіемъ. Дворянство и третье сословіе, аристократія и демократія, буржуазія и работники, собственники и пролетаріи,—все это лишь различныя формы и различныя фазы социальной борьбы, отъ которой мы такъ долго страдаемъ... Это бичъ, это стыдъ недостойный нашего времени. Внутренній миръ, миръ между различными классами гражданъ, социальный миръ! Это—самая важная потребность Франціи, это крикъ спасенія!»⁵¹⁾.

Преобладаніе среднихъ классовъ составляетъ характеристическую черту французской исторіи послѣ 1789 г. Указавъ на это, Гизо пишетъ цѣлый панегирикъ буржуазіи. Но онъ ясно видитъ, что ея господству грозитъ страшная опасность. «Теперь на арену вышелъ новый борецъ. Демократическій элементъ подраздѣлился. Противъ среднихъ классовъ выдвигаютъ рабочіе классы, противъ буржуазіи—пролетаріатъ. И эта новая война тоже ведется на смерть, потому что новый претендентъ такъ же исключителенъ, какъ и всѣ прочіе»⁵²⁾.

Пролетаріатъ грозитъ уничтожить господство «среднихъ классовъ». «Средніе классы» боятся пролетаріата и потому ихъ теоретики проповѣдуютъ *миръ*. Но прочный миръ можетъ быть заключенъ только тогда, когда пролетаріатъ перестанетъ оспаривать право буржуазіи на существованіе. Гизо прекрасно понимаетъ это. Онъ доказываетъ теперь, что всѣ классы, существующіе во Франціи составляютъ «естественные, глубокіе элементы французскаго общества»⁵³⁾. И онъ утверждаетъ, что признаніе справедливости этой мысли всѣми борющимися между собою сторонами было бы огромнымъ шагомъ впередъ въ направленіи къ социальному миру. Въ самомъ дѣлѣ, признавъ справедливость этой мысли, пролетаріатъ тѣмъ самымъ призналъ бы «естественность» своего подневольнаго положенія. Но это-то и нужно было перепуганному идеологу буржуазіи.

Не одинъ Гизо проповѣдывалъ социальный миръ и не одинъ Гизо измѣнилъ свое отношеніе къ классовой борьбѣ послѣ того,

⁵¹⁾ De la Democratie, Парижъ 1849, р. 35.

⁵²⁾ Ibid., р. 107.

⁵³⁾ Ibid., р. 105.

какъ на арену выступилъ «новый борецъ». Мы уже знаемъ, какъ относился Минье къ «безчинствамъ» парижской Коммуны. Что касается Ог. Тьерри, то для его настроенія послѣ 1848 г. характерно предисловіе его «Essai sur l'histoire du Tiers-Etat», вышедшему въ 1853 г. Исторія третьяго сословія была исторіей соціальной войны средняго класса съ аристократіей. Ог. Тьерри былъ, какъ мы знаемъ, однимъ изъ первыхъ, обратившихъ вниманіе читающей публики на классовый характеръ этой войны. Отрицать этотъ характеръ значило бы лишить исторію третьяго сословія всего ея значенія. Но съ другой стороны, въ 1853 г. Тьерри уже не могъ говорить о классовой борьбѣ безъ серьезныхъ оговорокъ. И вотъ онъ оговаривается. Онъ замѣчаетъ, что классовая борьба, составляющая предметъ его книги, не имѣетъ ничего общаго съ классовой борьбой пролетаріата противъ буржуазіи. Описываемая имъ борьба была благодѣтельна по своимъ послѣдствіямъ и велась въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, а борьба пролетаріата съ буржуазіей началась «только вчера и совершенно нарушаетъ общественную безопасность». Классовой интересъ пролетаріата кажется ему *узкимъ*, а классовой интересъ третьяго сословія очень *широкимъ* потому, что третье сословіе охватило всю націю, за исключеніемъ дворянства и духовенства.

Это разсужденіе чрезвычайно характерно въ психологическомъ отношеніи, хотя,—какъ мы увидимъ ниже,—сторонникамъ революціонной борьбы съ буржуазіей очень легко было опровергнуть Ог. Тьерри его же собственными доводами.

Научное убѣжденіе въ исторической важности классовой борьбы было, однако, такъ сильно у французскихъ историковъ временъ реставраціи, что когда у нихъ проходилъ страхъ передъ революціоннымъ движеніемъ пролетаріата, они снова начинали говорить своимъ прежнимъ языкомъ. Для примѣра мы опять сошлемся на Гизо.

Въ 1858 г. онъ издалъ свои «Вспоминанія», въ первомъ томѣ которыхъ рѣчь идетъ именно о томъ времени, когда онъ съ пылкимъ энтузіазмомъ молодости проповѣдывалъ классовую борьбу средняго класса съ аристократіей. Упомянувъ о своей брошюрѣ «Du gouvernement de la France», представляющей, какъ мы уже знаемъ, самое горячее воззваніе къ такой борьбѣ, Гизо признается, что, перечитавъ ее черезъ 36 лѣтъ послѣ ея выхода, онъ вынесъ такое впечатлѣніе: «Разсматривая вещи по существу и въ нихъ самыхъ, какъ историкъ и какъ философъ, я не вижу въ своей брошюрѣ ничего такого, что я долженъ былъ быть взятъ назадъ. Я продолжаю думать, что высказанныя въ ней общія идеи справедливы, великіе соціальные факты правильно оцѣнены, полити-

ческіе дѣятели хорошо поняты и вѣрно изображены... Но... я слишкомъ много требовалъ отъ людей».

Научная добросовѣстность взяла верхъ надъ страхомъ передъ «новымъ борцомъ», и престарѣлый теоретикъ буржуазіи уже не смотритъ на классовую борьбу, какъ на стыдъ и горе Франціи. Онъ утверждаетъ, что въ брошюрѣ «*Du gouvernement*» социальныя факты оцѣнены вѣрно, а это значитъ, что социальная война—борьба классовъ—*сдѣлала исторію Франціи*. Откровенно высказывая это, Гизо обнаружилъ несравненно больше уваженія къ научной истинѣ, чѣмъ всѣ тѣ нынѣшніе «ученые», которые избѣгаютъ упоминанія о классовой борьбѣ съ такимъ же стараніемъ, съ какимъ христіане должны, по совѣту апостола Павла, избѣгать всякихъ разговоровъ о «мерзостяхъ», запрещенныхъ седьмой заповѣдью.

Итакъ, было время, когда буржуазія прекрасно понимала историческую роль классовой борьбы. Если она теперь не понимаетъ или дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ этой роли, если она проповѣдуетъ «социальный миръ», то это очень хорошо объясняется дальнѣйшей исторіей буржуазнаго общества, страхомъ передъ «новымъ борцомъ». И если въ настоящее время теоретики буржуазіи охотно распространяются на тему о «социальномъ мирѣ» и ставятъ въ тяжелую вину социаль-демократамъ ихъ проповѣдь классовой борьбы, то социаль-демократы могутъ отвѣтить имъ, какъ отвѣчалъ когда-то Гизо теоретикамъ аристократіи: «Выродившіеся потомки класса нѣкогда безраздѣльно господствовавшего надъ цивилизованнымъ міромъ и заставлявшаго трепетать королей, вы отрекаетесь отъ своихъ предковъ и отъ своей исторіи!» И, подобно Гизо, мы имѣемъ право насмѣшливо удивляться тому, что наши противники стали слишкомъ смиренны въ своихъ воспоминаніяхъ, и иронически спрашивать ихъ: «Неужели мы должны забыть исторію только потому, что ея выводы оказались неблагоприятными для васъ?»

А какъ понимать всѣхъ социалистовъ, которые подъ предлогомъ критики марксизма, хотятъ умалить значеніе классовой борьбы и, подобно его превосходительству, господину министру Милльерану, заявляютъ, что не слѣдуетъ возстановлять рабочихъ противъ буржуазіи? Предоставляемъ судить объ этомъ самому читателю.

Въ настоящее время социализмъ не можетъ не стоять на точкѣ зрѣнія классовой борьбы. Но социалисты не всегда стояли на ней. Пока социализмъ находился въ дѣтскомъ періодѣ своего развитія, его приверженцы тоже готовы были оплакивать классовую борьбу, какъ стыдъ и горе человѣчества. Этому, какъ будто,

противорѣчатъ вышеизложенные взгляды Сень-Симона. Но не нужно забывать, что у Сень-Симона рѣчь вездѣ идетъ о борьбѣ *промышленниковъ* противъ *феодаловъ* а не о борьбѣ *пролетариата* съ *буржуазіей*. Пролетаріатъ не существуетъ для Сень-Симона, какъ классъ, способный играть самостоятельную роль въ исторіи. Въ «Женевскихъ Письмахъ» онъ говоритъ «неимущимъ», что, захвативъ власть во время революціи, они сумѣли создать только *голодъ*. А въ своей «Промышленной системѣ» онъ, желая побудить буржуазію къ принятію его воззрѣній, пугаетъ ее рабочимъ классомъ, въ средѣ котораго идеи равенства («турецкаго равенства», какъ выражается онъ) могутъ, по его словамъ, получить широкое, но вредное для цивилизаціи значеніе⁵⁴⁾. Буржуа-предприниматели были въ глазахъ Сень-Симона естественными руководителями рабочихъ. Авторы «Манифеста» справедливо говорятъ, что творцы утопическихъ системъ «видѣли уже антагонизмъ классовъ, равно, какъ и вліяніе разрушительныхъ элементовъ внутри самого господствующаго общества. Но они не видѣли въ пролетаріатѣ никакой исторической самодѣятельности, никакого, свойственнаго ему, политическаго движенія». Вѣрные этому воззрѣнію, социалисты-утописты обращались не къ пролетаріату, а ко всему современному имъ обществу. Такъ, Ж. Перейръ въ своихъ лекціяхъ, читанныхъ въ парижскомъ Атенеѣ въ 1831 г., категорически заявлялъ отъ лица сенъ-симонистовъ, что они, какъ «люди прогресса», хотятъ спасти все человѣчество, «а не тотъ или другой народъ, не тотъ или другой классъ»⁵⁵⁾. Подобно этому и въ глазахъ фурьеристовъ однимъ изъ главныхъ достоинствъ доктрины ихъ учителя являлось то обстоятельство, что она не вырождала собою борьбы «противоположныхъ интересовъ въ обществѣ»⁵⁶⁾. Наконецъ, укажемъ еще на Луи Блана, который въ январѣ 1845 г. писалъ во введеніи къ своей знаменитой брошюрѣ «Organisation du travail»: «Въ этой книгѣ я обращаюсь къ вамъ, богатые, потому что въ ней говорится о бѣдныхъ. Ибо ихъ дѣло есть ваше дѣло».

Такіе взгляды социалистовъ-утопистовъ представляютъ собою и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи огромный шагъ назадъ въ сравненіи съ вышеизложенными взглядами идеологовъ революціонной буржуазіи и объясняются неразвитостью тогдашняго капитализма. Они не остались, конечно, безъ вреднаго вліянія на развитіе классоваго самосознанія рабочихъ, но

⁵⁴⁾ Du systeme industriel, Paris 1821, pp. 205—207.

⁵⁵⁾ Leçons sur l'industrie, Paris 1832, p. 39.

⁵⁶⁾ V. Considerant, Destinee Sociale t. II, 3-e ed., pp 8 и слѣд.

они не остановили этого развитія и не могли остановить его. Ростъ капитализма велъ за собою, какъ численный ростъ пролетаріата, такъ и умственное его пробужденіе. Уже въ октябрѣ 1836 г. существовавшій въ Лондонѣ «Рабочій Союзъ» принялъ уставъ, который очень недвусмысленно указывалъ на необходимость разрыва рабочаго класса съ партіями господствующихъ классовъ⁵⁷⁾. Съ другой стороны, во Франціи большинство членовъ тайныхъ революціонныхъ обществъ вербуется въ средѣ рабочаго класса.

Съ нашей нынѣшней точки зрѣнія, практическія программы тогдашнихъ коммунистовъ-заговорщиковъ являются еще менѣе удовлетворительными, чѣмъ ихъ теоретическія воззрѣнія. И, однако, ихъ твердая увѣренность въ томъ, что освобожденіе рабочаго класса («народа») немислимо безъ борьбы съ высшими классами («аристократіей»), очень выгодно отличаетъ ихъ отъ социалистовъ-утопистовъ. Конечно, борьба кучки людей, составившихъ заговоръ во имя народныхъ интересовъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа *классовой* борьбой. Но когда главный контингентъ заговорщиковъ поставляется рабочими, заговоръ представляетъ собой *зародышъ* революціонной борьбы рабочаго класса. А взглядъ общества «Время Года» на «аристократію» указываетъ на тѣсную генетическую связь идей тогдашнихъ французскихъ революціонеровъ-коммунистовъ съ идеями буржуазныхъ революціонеровъ восемнадцатаго вѣка и либеральной оппозиціи реставраціонной эпохи.

Мы видѣли, что классовой интересъ пролетаріата казался Огюстану Тьерри узкимъ, а интересъ третьяго сословія широкимъ, такъ какъ сословіе это охватывало всю націю, за исключеніемъ аристократіи. Французскіе революціонеры-коммунисты исходили, подобно Огюстану Тьерри, изъ сознанія необходимости бороться противъ *аристократіи* въ интересахъ *всей остальной части общества*. Но они справедливо указывали на то, что родовая аристократія уступила мѣсто денежной, и что поэтому борьба за широкіе общественные интересы должна вестись уже не противъ дворянства, а противъ буржуазіи. Логика была, очевидно, на ихъ сторонѣ и они имѣли полное право упрекать своихъ буржуазныхъ противниковъ въ неслѣдовательности.

По мѣрѣ того, какъ росло и обнаруживалось противорѣчіе интересовъ эксплуатируемыхъ съ интересами эксплуататоровъ, росло и крѣпло сознаніе необходимости борьбы между пролетаріатомъ

⁵⁸⁾ Die Entstehung und die oekonomische Grundsätze des Chartismus von Dr. John L. Tildsley, Jena, 1898 стр. 2—4.

и буржуазией. Но въ самомъ сознаниі этомъ было еще очень много утопическихъ элементовъ. Въ коммунистической и социалистической литературѣ сороковыхъ годовъ понятіе о борьбѣ классовъ далеко еще не достигало той степени ясности, какая была ему свойственна, напримѣръ, у Гизо. Въ этомъ отношеніи буржуазная идеологія превзойдена была только «Манифестомъ».

Взглядъ Маркса и Энгельса на борьбу классовъ, на значеніе политики въ этой борьбѣ и на зависимость государственной власти отъ господствующихъ классовъ тождественъ со взглядами на тѣ же предметы Гизо и его единомышленниковъ. Вся разница въ томъ, что одни отстаиваютъ интересы пролетаріата, между тѣмъ, какъ другіе защищали интересы буржуазии. Мѣстами «Манифестъ» говоритъ языкомъ памфлетовъ Гизо, или, если хотите, нѣкоторые памфлеты Гизо отчасти говорятъ языкомъ «Манифеста»⁶⁰⁾. Но у авторовъ «Манифеста» понятіе о борьбѣ классовъ является составною частью стройной исторической теоріи, между тѣмъ, какъ въ исторической теоріи Гизо, Тьерри, Минье и другихъ современныхъ имъ идеологовъ буржуазіи еще не сведены концы съ концами. И это составляетъ, разумѣется, огромное преимущество «соціальной философіи» Маркса и Энгельса.

Ниже мы внимательно рассмотримъ это преимущество. Но прежде нужно подвергнуть критикѣ нѣкоторыя «критическія» замѣчанія нѣкоторыхъ критиковъ марксизма.

Г. Вернеръ Зомбартъ говоритъ:

«Начиная «Коммунистическій Манифестъ» словами: «Вся исторія общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ», Карлъ Марксъ высказалъ одну изъ величайшихъ истинъ, наполняющихъ наше столѣтіе. Но онъ высказалъ не всю истину. Ибо невѣрно то, что вся исторія общества сводится единственно къ борьбѣ классовъ. Если мы, вообще, хотимъ обнять всемірную исторію одной формулой, то мы должны будемъ, я думаю, сказать, что вся исторія общества вращается вокругъ двухъ *противоположностей*, которыя я назову *соціальной* и *національной* противоположностью, понимая слово *національность* въ самомъ широкомъ смыслѣ. Человѣчество въ своемъ развитіи сначала собирается въ общества, которыя первоначально ведутъ взаимную борьбу, но потомъ внутри ихъ начинается борьба ихъ членовъ

⁶⁰⁾ Для примѣра напомнимъ приведенныя выше строки изъ брошюры Гизо о демократіи, написанной въ 1849 году: „Борьба различныхъ классовъ наполняетъ собою всю нашу исторію... Дворянство и третье сословіе, аристократія и демократія, буржуазія и работники, все это лишь различныя формы и различныя фазы соціальной борьбы“... Это почти дословно то, что говорится въ началѣ первой главы „Манифеста“.

за болѣе высокое положеніе... Такимъ образомъ, мы видимъ, съ одной стороны, стремленіе къ богатству, силѣ и значенію цѣлыхъ обществъ, а съ другой—стремленіе къ тѣмъ же цѣлямъ отдѣльныхъ членовъ. Таковы, кажется мнѣ, двѣ противоположности, наполняющія собою всю исторію.

Марксъ нашелъ часть истины. Критически мыслящій г. Зомбартъ съ своей стороны дополнилъ сказанное Марксомъ, и теперь мы, къ нашему счастью и удовольствію, обладаемъ полной истиной, свободной отъ крайностей и преувеличеній. Это очень пріятно, но, во-первыхъ, взаимная борьба отдѣльныхъ членовъ общества за болѣе высокое положеніе не есть еще борьба классовъ, какъ это прекрасно доказываютъ своимъ примѣромъ современные намъ предприниматели, которые ожесточенно борются между собою за покупателей, но чужды всякой мысли о *классовой* борьбѣ съ себѣ подобными. А во-вторыхъ, что такое «національная борьба» г. Зомбарта? Это есть не что иное, какъ борьба отдѣльныхъ государствъ между собою. Спрашивается, неужели же авторы «Манифеста» упустили изъ виду историческое значеніе этой борьбы? Это было бы странно. Тѣмъ болѣе странно, что тѣ же авторы и въ томъ же «Манифестѣ» говорятъ, что буржуазія всякаго даннаго государства ведетъ непрерывную борьбу съ буржуазіей другихъ государствъ («Манифестъ», стр. 13). Въ чемъ же дѣло? Просто на просто въ томъ, что г. Вернеръ Зомбартъ плохо понялъ мысль «Манифеста».

Въ какомъ смыслѣ употребляетъ Марксъ слово *общество*? Въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ употреблялъ его Гизо, разсуждая о зависимости *политическаго* строя отъ *общественнаго* ⁶²⁾. И у того и у другого слово *общество* есть сокращенное обозначеніе того, что они же называли гражданскимъ обществомъ *въ отличіе отъ государства*. Когда авторы «Манифеста» говорятъ, что буржуазія каждой данной страны ведетъ непрерывную борьбу съ буржуазіей другихъ странъ, то они имѣютъ въ виду борьбу *между государствами, международную* или—по терминологіи г. Вернера Зомбарта—*національную* борьбу. А когда они говорятъ, что вся исторія общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ, они подразумѣваютъ исторію *гражданскаго общества*, или, иначе, *внутреннюю исторію государствъ* ⁶³⁾. Эта исторія была, по ихъ мнѣнію, исторіей борьбы классовъ, и относительно *этой* исторіи съ ними по существу соглашается ихъ «критикъ». Выходить,

⁶²⁾ См. выше.

⁶³⁾ Ср. предисловіе къ „Zur Kritik“, гдѣ хорошо видно, какое значеніе придаетъ Марксъ слову „общество“.

значить, что сдѣланная г. Зомбартомъ поправка есть не болѣе, какъ плодъ недоразумѣнія.

Маркса и Энгельса чаще всего «критикуютъ» такимъ образомъ: сначала ихъ немножко не поймутъ или исказятъ, а потомъ немножко поправятъ. И такъ поступаютъ милостивые критики, а немилостивые совсѣмъ уже не стѣсняются съ ними: они безцеремонно приписываютъ имъ ахиною, глубокомысленно заявляя, что пора уже покончить съ марксовой «догмой».

Бенедетто Кроче находитъ неяснымъ самое понятіе о борьбѣ классовъ. «Я готовъ сказать,—говоритъ онъ,—что исторія есть борьба классовъ: 1) когда существуютъ классы; 2) когда они имѣютъ противоположные интересы; 3) когда они сознаютъ ихъ противоположность. Но это привело бы насъ къ тому юмористическому положенію, что исторія есть борьба классовъ только тогда, когда она есть... борьба классовъ! Въ дѣйствительности, случилось, что классы не имѣли противоположныхъ интересовъ и очень часто они не сознаютъ ихъ противоположности, что очень хорошо извѣстно социалистамъ, которые стараются, иногда безуспѣшно, (такъ, напримѣръ, это до сихъ поръ имъ не удавалось и въ крестьянской средѣ), породить ея сознаніе въ новѣйшемъ пролетаріатѣ».

Эти замѣчанія могутъ показаться на первый взглядъ довольно мѣткими и потому заслуживаютъ вниманія.

Борьба классовъ имѣетъ мѣсто только тамъ и только тогда, гдѣ и когда существуютъ классы. Это, конечно, совершенно вѣрно: странно было бы говорить о классовой борьбѣ въ такомъ обществѣ, въ которомъ отсутствуютъ классы. Но въ какомъ же обществѣ они отсутствуютъ? Только въ самомъ первобытномъ. Въ такомъ обществѣ есть своего рода равновѣсіе интересовъ. Но оно неустойчиво: уже на очень ранней ступени развитія еще за долго до полного разложенія родовой организациі, въ средѣ «дикарей» появляется имущественное неравенство, а вслѣдъ за нимъ не только антагонизмъ интересовъ, но и *сознаніе этого антагонизма*. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній эскимосской поэзіи является сказка, герой которой,—сынъ *бѣдной* вдовы,—мститъ своимъ *богатымъ* сородичамъ за испытанныя отъ нихъ униженія. А между тѣмъ у эскимосовъ до сихъ поръ еще чрезвычайно сильно чувство солидарности, воспитанное первобытнымъ коммунизмомъ.

Кромѣ того, нужно помнить, что въ первобытномъ обществѣ очень рано возникаетъ раздѣленіе труда между мужчинами и женщинами, чѣмъ порождается *антагонизмъ половъ*, сказывающійся и въ пищѣ, и въ нравахъ, и въ развлеченіяхъ, и въ искусствѣ, и даже въ языкѣ. Тому, кто упустилъ изъ виду мате-

ріальныя и духовныя послѣдствія этого антагонизма половъ останутся совершенно непонятными многія важныя стороны первобытной жизни. А если мы перейдемъ къ болѣе развитымъ обществамъ, то безъ труда замѣтимъ, какъ существованіе въ нихъ различныхъ классовъ, такъ и ихъ непрерывную борьбу, отражающуюся и въ государственномъ устройствѣ, и въ правѣ, и въ религіи, и въ поэзи, и во всемъ, вообще, художественномъ творчествѣ.

Вѣрно и то, что интересы различныхъ общественныхъ классовъ не всегда *противоположны*. Но для возникновенія классоваго антагонизма достаточно простаго *различія* интересовъ. Тамъ, гдѣ между бѣдными и богатыми еще не установились отношенія наемниковъ къ нанимателямъ нерѣдко замѣчается именно только это различіе, которое, однако, порождаетъ жестокую борьбу классовъ. А иногда для возникновенія классовой борьбы не нужно и имущественнаго неравенства, а достаточно различія мѣстныхъ интересовъ, какъ это хорошо видно изъ первоначальной исторіи Аѳинъ съ ея борьбой между діакріями, паралиями и педіеями⁶⁵).

Говоря, что антагонизмъ интересовъ не всегда сознается общественными классами, г. Кроче высказываетъ мысль, вѣрную только отчасти. Возьмемъ хоть русскую исторію. Много ли въ ней можно насчитать крестьянскихъ возстаній? Очень немного: возстаніе Разина и Пугачева въ Великороссіи и казацкія войны въ Малороссіи наполняютъ собою лишь нѣкоторые, сравнительно весьма непродолжительные періоды, отдѣленные одинъ отъ другого болѣе или менѣе длинными промежутками. Но чѣмъ характеризуются эти промежутки? «Соціальнымъ миромъ»? Нѣтъ, о соціальному мирѣ или хотя бы о перемиріи и тогда ничего не слышно. «Соціальная война» не прекращается и въ эти промежутки, она только измѣняетъ свой характеръ, *изъ явной дѣлаясь скрытою*. Общество по прежнему остается раздѣленнымъ на два враждебныхъ лагеря: здѣсь — «паны», «господа», тамъ — «хлопы», «мужики». Каждый изъ этихъ двухъ лагерей очень хорошо видитъ стѣну враждебныхъ чувствъ, взглядовъ и дѣйствій, отдѣляющую его отъ другого лагеря: «господа» бранятъ «мужиковъ» и стараются «подтянуть» ихъ какъ можно больше, «мужики» смѣются надъ «господами» и сопротивляются «подтягиванію» всеми завѣсящими отъ нихъ способами. И каждый годъ, даже каждый мѣсяць, скрытая война то тамъ, то здѣсь переходила въ явную,

⁶⁵ См. Griechische Geschichte von E. Curtius, I. B., Berlin, 1857, SS. 254—255; ср. Hegel's Philosophie der Geschichte (herausgegeben von E. Gans), S. 261: „Der Unterschied der Stände beruht auf der Verschiedenheit der Localität.

ограниченную, правда, малымъ райономъ; мужики «бунтуютъ», господа «усмиряютъ» съ помощью находящейся въ ихъ распоряженіи военной силы. Наши народники были правы, утверждая, что борьба крестьянъ за землю и волю проходитъ красной нитью черезъ всю русскую исторію. Но что же такое эта борьба за землю и волю, если не классовая борьба... «Мужикъ» прекрасно сознавалъ противоположность своихъ интересовъ съ интересами помѣщиковъ. И если, тѣмъ не менѣе, борьба, веденная имъ, не можетъ быть названа *сознательной классовой борьбой*, то только потому, что для сознательной классовой борьбы недостаточно видѣть антагонизмъ интересовъ, а нужно еще понимать, какими средствами могутъ быть побѣждены люди, защищающіе противоположные интересы. Русское крестьянство, какъ извѣстно, не отличалось этимъ пониманіемъ. Поэтому и веденная имъ борьба была въ значительной степени «стихійной» борьбой. Но она не переставала быть классовой борьбой.

Г. Кроче смѣшиваетъ сознательную борьбу съ сознаниемъ антагонизма и потому думаетъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ *сознательной* классовой борьбы, классовая борьба совершенно не имѣетъ мѣста. Онъ не понимаетъ, что болѣе или менѣе ожесточенная, явная или скрытая, сознательная или бессознательная классовая борьба есть повсемѣстное слѣдствіе раздѣленія общества на классы.

Вѣрно, наконецъ, и то, что современные социалисты всѣми силами стараются развивать самосознаніе рабочихъ. Но мы не понимаемъ, какимъ образомъ г. Кроче можетъ ссылаться на этотъ безспорный фактъ, какъ на доводъ противъ ученія о борьбѣ классовъ. О современныхъ социалистахъ можно сказать словами «Манифеста»: «Они отличаются отъ другихъ рабочихъ партій только тѣмъ, что на различныхъ стадіяхъ, черезъ которыя проходитъ борьба пролетаріевъ противъ буржуа, они всегда защищаютъ общіе интересы движенія въ его цѣломъ». Но изъ этого вытекаетъ только тотъ выводъ, что не всѣ рабочіе отличаются одинаковой степенью классоваго самосознанія и не всѣ одинаково хорошо понимаютъ общіе интересы рабочаго движенія.

Раздѣленіе общества на классы вызывается экономическимъ его развитіемъ. Но ходъ *идей* опережается ходомъ *вещей*. Поэтому, *сознаніе людьми* отношеній существующихъ между ними въ общественномъ процессѣ производства, отстаетъ отъ *развитія* этихъ отношеній. Кромѣ того, даже въ предѣлахъ одного и того же класса сознаніе развивается не одинаково быстро: одни изъ его членовъ раньше, другіе позже схватываютъ сущность даннаго порядка вещей. Этимъ создается возможность идейнаго воздѣйствія передовыхъ на отсталыхъ, социалистовъ на такихъ пролетаріевъ, которые еще не дошли до социалистическаго міросозерцанія.

Г. Кроче хочетъ, повидимому, сказать, что классоваго сознанія вовсе нѣтъ тамъ, гдѣ еще нужно развивать его. Но, во первыхъ, недостаточное развитіе самосознанія еще не означаетъ его отсутствія. А во вторыхъ, если бы и можно было встрѣтить теперь такихъ рабочихъ, которые вѣрили бы въ гармонію ихъ интересовъ съ интересами предпринимателей, то о такихъ отсталыхъ и совершенно лишенныхъ классоваго самосознанія рабочихъ нужно было бы сказать, что они еще не раздѣлялись съ міросозерцаніемъ, свойственнымъ періоду классовой борьбы другого рода: борьбы третьяго сословія съ аристократіей. Тогда третье сословіе еще не сознавало экономического антагонизма, таившагося въ его собственныхъ нѣдрахъ. Нельзя удивляться, если взгляды, выработавшіяся въ эпоху классовой борьбы одного рода, отчасти сохранились, какъ пережитокъ, до нашей эпохи, ознаменовавшейся классовой борьбой другого рода: вѣдь развитіе сознанія отстаетъ отъ развитія экономики.

Выходитъ, что въ современномъ обществѣ, куда не оглянешься, вездѣ увидишь вліяніе борьбы классовъ. Выходитъ такъ же, что «юмористическія» положенія высказываетъ не кто другой, какъ самъ г. Кроче.

Г. Кроче—умный и способный человѣкъ. Но въ его мышленіи не достигаешь діалектическаго элемента, и этимъ недостаткомъ обуславливаются почти всѣ его «критическія» потуги и неудачи⁶⁷⁾.

Пойдемъ дальше. Выше мы сказали, что авторы «Манифеста» обладали стройной исторической теоріей, между тѣмъ, какъ въ историческихъ взглядахъ идеологовъ буржуазіи не были сведены концы съ концами. Теперь намъ надо пояснить и указать это.

Ог. Тьерри, Минье, Гизо и другіе историки, стоявшіе на точкѣ зрѣнія интересовъ «средняго класса», видѣли въ имущественныхъ отношеніяхъ самую главную, самую глубокую основу политическаго строя данной страны и даже взглядовъ, господствовавшихъ въ ней⁶⁸⁾.

⁶⁷⁾ Замѣтимъ мимоходомъ, что отождествленіе „крестьянъ“ съ „новѣйшими пролетаріями“ въ высшей степени странно со стороны человѣка, все таки недурно знакомаго съ литературой предмета.

⁶⁸⁾ Если это предисловіе попадетъ въ руки ученаго проф. Карѣва, то онъ воскликнетъ по нашему адресу, какъ воскликнулъ уже по адресу другого писателя: „Это говорится о Гизо, признававшемъ такую важную роль за индивидуальнымъ развитіемъ! Это говорится объ Ог. Тьерри съ его теоріей расы, играющей такую роль въ объясненіи событій!“ („Старые и новые этюды“, стр. 209). Но ученый профессоръ воскликнетъ такъ только по незнанію дѣла. Гизо дѣйствительно приписывалъ большое значеніе индивидуальному развитію, но это развитіе фигурируетъ у него, какъ желательное послѣдствіе общественнаго развитія, а не какъ одна

Въ этомъ отношеіні ихъ взгляды мало чѣмъ отличаются отъ взглядовъ Маркса и Энгельса, и когда Марксъ впоследствии писалъ, что правовыя отношеія и государственныя формы не объясняются ни собственной своей природою, ни, такъ называемымъ, общимъ развитіемъ челоуѣческаго духа, а коренятся въ матеріальныхъ жизненныхъ отношеіяхъ, совокупность которыхъ Гегель называлъ гражданискимъ обществомъ⁶⁹⁾ — онъ только повторялъ выводы, къ которымъ значительно раньше его пришла, подъ влияніемъ общественнаго развитія и связанной съ нимъ борьбы классовъ, историческая наука. Вся разница сводилась къ тому, что у предшественниковъ Маркса происхожденіе имущественныхъ отношеій и интересовъ оставалось совсѣмъ невыясненнымъ, между тѣмъ, какъ у Маркса оно выходило совершенно понятнымъ.

У Гизо, Минье, Тьерри и у всѣхъ историковъ и публицистовъ, стоявшихъ на ихъ точкѣ зрѣнія, имущественныя отношеія общества нерѣдко объяснялись *завоеваніемъ*. Но они сами указывали на то, что завоеваніе совершается ради извѣстныхъ «положительныхъ интересовъ». Откуда же берутся эти интересы? Ясно, что ихъ существованіе обуславливается имущественными отношеіями, какъ въ странѣ завоевателей, такъ и въ той странѣ, которая подпадаетъ подъ ихъ иго⁷⁰⁾. Получается заколдованный кругъ: имущественныя отношеія и интересы объясняются завоеваніемъ, а завоеваніе объясняется имущественными отношеіями

изъ его основныхъ причинъ. Что касается Тьерри, то въ его исторической теоріи отводится большое мѣсто не „расамъ“ а завоеванію одной расы другою Съ какою же цѣлью совершаются завоеванія? На этотъ вопросъ Тьерри, не колеблясь, отвѣтилъ бы: ради положительныхъ (имущественныхъ) интересовъ Такъ, по крайней мѣрѣ, отвѣчаетъ его знаменитая книга, *Historie de la conquête de l'Angleterre par les Normands*. Помните слѣдующее мѣсто. Передъ гастинской битвой одинъ изъ ангеловъ говоритъ: „Мы должны защищаться потому, что дѣло идетъ не о новомъ королѣ, а совсѣмъ о другомъ предметѣ... Норманъ роздалъ земли своимъ военачальникамъ, своимъ всадникамъ, всѣмъ своимъ людямъ.. И если онъ сдѣлается нашимъ королемъ, онъ вынужденъ будетъ передать въ распоряженіе своихъ людей наше имущество, нашихъ женъ и дочерей“. Съ своей стороны, Вильгельмъ-завоеватель говорилъ своимъ воинамъ: „Сражайтесь хорошенько и убивайте всѣхъ, ибо если мы побѣдимъ, мы всѣ будемъ богаты. То, что я приобрѣту, приобрѣтете и вы, то, что я завоеую, завоеуете и вы; если у меня будетъ земля, будетъ она и у васъ. (См. стр. 300 перваго тома парижскаго изданія 1825 г.). Возраженія г. Карѣва противъ „экономическаго матеріализма“ такъ полны недоразумѣній и такъ безсодержательны, что заставляютъ вспоминать слова Прудона: *Il faut qu'un professeur parle, parle, parle, non pas pour dire quelque chose, mais pour ne pas rester muet*“.

⁶⁹⁾ Zur Kritik der politischen Oekonomie, Vorwort.

⁷⁰⁾ См. примѣчаніе 68.

и интересами. Пока историческая теорія не вышла изъ этого заколдованнаго круга, она по необходимости впадала въ эклектизмъ и въ противорѣчія. Такихъ противорѣчій не мало у всѣхъ вообще историковъ разсматриваемаго направленія.

Иногда историки апеллировали къ человѣческой природѣ. Но одно изъ двухъ: человѣческая природа или остается неизмѣнной въ продолженіе историческаго процесса, или она измѣняется. Если она остается неизмѣнной, то очевидно, что не ею могутъ быть объясняемы перемѣны, совершающіяся въ исторіи. А если она сама измѣняется, то ссылки на нее ничего не объясняютъ, такъ какъ намъ надо прежде всего объяснить причины ея собственныхъ измѣненій: новый заколдованный кругъ, новый источникъ противорѣчій и эклектизма въ исторической наукѣ.

Яркимъ примѣромъ такого эклектизма и такихъ противорѣчій можетъ служить знаменитая книга Токвиля «О демократіи въ Америкѣ», которую Ройе-Колларъ называлъ продолженіемъ книги Монтескье «О духѣ законовъ». Токвиль говоритъ, что разъ данъ извѣстный социальный строй, его можно разсматривать, какъ первую причину большей части законовъ, обычаевъ и идей, «опредѣляющихъ собою поведеніе націй». Чтобы понять законодательство и нравы даннаго народа, надо начать съ изученія социальнаго строя⁷¹⁾. Но откуда же берется социальный строй? Въ отвѣтъ на это Токвиль ссылается на человѣческую природу. Мы уже знаемъ, что такія ссылки ничего не объясняютъ. Зналъ, или по крайней мѣрѣ, подозрѣвалъ это и самъ Токвиль, который еще въ своихъ письмахъ изъ Америки говорилъ: «Здѣсь процвѣтаютъ такія учрежденія, которыя непременно вызвали бы переворотъ во Франціи. Люди здѣсь такіе же, какъ и у насъ, но только они поставлены въ другія условія»⁷²⁾.

Изъ этихъ словъ вытекаетъ тотъ неизбѣжный и несомнѣнный выводъ, что человѣческая природа совсѣмъ не даетъ намъ ключа для пониманія американскихъ учрежденій.

Въ другихъ мѣстахъ Токвиль старается объяснить происхожденіе социальнаго строя дѣйствіемъ *законовъ*. Но такъ какъ по его же словамъ, законодательство страны объясняется ея социальнымъ строемъ, то мы опять наталкиваемся на противорѣчіе. Самъ Токвиль болѣе или менѣе смутно сознавалъ это противорѣчіе и старался справиться съ нимъ. Но всѣ его усилія остались напрасными: его анализъ оказался въ этомъ случаѣ совершенно безсильнымъ.

⁷¹⁾ См. De la Democratie en Amerique, Paris 1836, t. I, p. 74.

⁷²⁾ Nouvelle correspondance de Alexis Tocqueville, Paris 1866; письмо къ отцу отъ 3-го іюня 1830 г.

Историческая теорія Маркса разрѣшаетъ это противорѣчье и тѣмъ самымъ вноситъ ясность и послѣдовательность туда, гдѣ до тѣхъ поръ было много важныхъ частныхъ, глубокихъ мыслей и вѣрныхъ замѣчаній, но не было основного принципа, способнаго связать всѣ эти важныя частности, глубокія мысли и вѣрныя замѣчанія въ одно стройное цѣлое.

По теоріи Маркса, социальный строй—общественныя отношенія людей—объясняется ихъ экономическими отношеніями: «анатомію гражданскаго общества надо искать въ еіо экономіи». Чѣмъ же создаются отношенія этого рода? Если бы Марксъ сталъ объяснять ихъ происхожденіе взглядами, чувствами или вообще «природой» людей, то онъ попалъ бы въ тѣ же самыя противорѣчья, въ какихъ вращались его предшественники. Но Марксъ объясняетъ его совершенно иначе.

Чтобы жить, люди должны производить. Чтобы производить, они должны извѣстнымъ образомъ сочетать свои усилія, установить другъ съ другомъ извѣстныя отношенія, которыя у Маркса называются производственными отношеніями. Совокупность этихъ отношеній и составляетъ экономическую структуру общества, на основѣ которой вырастаютъ всѣ другія (социальныя) отношенія людей и, между прочимъ, весь «гражданскій бытъ». игравшій такую важную роль въ теоріяхъ французскихъ историковъ временъ реставраціи.

Въ каждую данную эпоху характеръ производственныхъ отношеній опредѣляется не «случаемъ» и не «природой» людей, а тѣми естественными условіями, среди которыхъ людямъ приходится бороться за свое существованіе. Отъ этихъ условій - и прежде всего отъ свойствъ географической среды—зависитъ состояніе производительныхъ силъ, находящихся въ распоряженіи людей. Данному состоянію производительныхъ силъ соответствуютъ данныя отношенія производства, а даннымъ отношеніямъ производства соответствуетъ данный социальный строй, свойства котораго, вліяя на психику людей, обусловливаютъ собою умственное, нравственное и все вообще, такъ называемое, духовное развитіе людей.

Но самый процессъ производства и сочетаніе человѣческихъ усилій въ этомъ процессѣ, увеличивая запасъ опыта, ведутъ къ дальнѣйшему развитію производительныхъ силъ, вслѣдствіе котораго возникаетъ и постепенно усиливается несоотвѣтствіе между этими силами съ одной стороны и производственными отношеніями съ другой. Прежде эти отношенія содѣйствовали дальнѣйшему росту производительныхъ силъ, теперь они начинаютъ задерживать его. Тогда начинается революціонная эпоха общественнаго развитія, которая рано или поздно заканчивается разрушеніемъ

устарѣлыхъ производственныхъ,—а, слѣдовательно, и имущественныхъ—отношеній и всего «гражданскаго быта».

Борьба противъ устарѣлыхъ производственныхъ отношеній заставляетъ людей стать въ критическое отношеніе не только къ старому общественному порядку, но также къ тѣмъ идеямъ, къ тѣмъ чувствамъ, и, вообще, къ той «психикѣ», которая выросла на почвѣ стараго порядка. Революціонному движенію въ области общественныхъ отношеній соотвѣтствуетъ, поэтому, революціонное движеніе въ области духовной жизни. «Трудно ли понять,—говорятъ Марксъ и Энгельсъ во второй главѣ «Манифеста»,—что съ образомъ жизни людей, съ ихъ общественными отношеніями, съ ихъ общественнымъ положеніемъ,—мѣняются также ихъ представленія, воззрѣнія, понятія, словомъ все ихъ міросозерцаніе. Что же доказываетъ исторія идей, если не то, что умственная дѣятельность преобразуется вмѣстѣ съ матеріальной?»

Такова историческая теорія Маркса и Энгельса. Эта теорія пропитываетъ собой весь «Манифестъ» и составляетъ то, что можно, не рискуя ошибиться, назвать его основною мыслью.

Съ точки зрѣнія этой основной мысли авторы «Манифеста» оцѣниваютъ и свою собственную эпоху. Если они считаютъ ее революціонной, то именно и единственно потому, что они замѣчаютъ несоотвѣтствіе между созданными капитализмомъ производительными силами и свойственными капитализму отношеніями производства. «Современное буржуазное общество съ его организаціей производства и обмѣна,—говорятъ они,—какъ бы волшебствомъ создавшее такія могущественныя средства производства и сообщенія, находится въ положеніи волшебника, который не въ состояніи справиться съ вызванными его заклинаніями подземными силами. Вотъ уже нѣсколько десятилѣтій исторія промышленности и торговли представляетъ собою исторію возмущенія современныхъ производительныхъ силъ противъ современной организаціи производства, противъ имущественныхъ отношеній, этихъ условій жизни для буржуазіи и ея господства. Чтобы пояснить это, достаточно назвать торговые кризисы, которые, возвращаясь періодически, все болѣе и болѣе угрожаютъ существованію всего буржуазнаго общества» («Манифестъ», стр. 8).

Такъ какъ буржуазныя отношенія производства ставятъ рабочихъ въ тяжелую зависимость по отношенію къ капиталу, то неудивительно, что въ ихъ средѣ существуетъ недовольство, которое растетъ вмѣстѣ съ ростомъ указаннаго противорѣчія и приходитъ въ революціонное движеніе, направляющееся противъ всего нынѣшняго общественнаго порядка. Буржуазія «не только выковала оружіе, которое нанесетъ ей смертельный ударъ, она пора-

дила также людей, которые направят это оружие—современных работников, пролетариевъ («Манифестъ» стр. 9).

Все это показываетъ, до какой степени невѣрно характеризуется историческая теорія Маркса и Энгельса общеупотребительнымъ терминомъ: *экономическій материализмъ*. Если онъ долженъ обозначать теорію, признающую имущественный интересъ главнѣйшимъ двигателемъ историческаго прогресса, то французскихъ историковъ временъ реставраціи можно съ полнымъ правомъ называть экономическими материалистами. Но эти «экономическіе материалисты» были на самомъ дѣлѣ совершенно чужды материализма и оставались *идеалистами*, поскольку не дѣлались эклектиками. Происхожденіе имущественныхъ отношеній и интересовъ получало у нихъ совсѣмъ не материалистическое объясненіе. Если же теорія Маркса была насквозь пропитана материализмомъ, то вовсе не потому, что она отводила въ исторіи чрезвычайно важную роль имущественнымъ интересамъ, а потому, что, приурочивая развитіе этихъ интересовъ къ развитію производственныхъ отношеній, вызываемому ростомъ производительныхъ силъ, она впервые дала материалистическое объясненіе эволюціи общественной мысли, совершенно утративъ идеалистическое объясненіе этой эволюціи свойствами человѣческаго «духа» или вообще человѣческой «природы». Неудивительно, поэтому, что *полумарксисты*, возстающіе противъ *материализма*, упорно держатся за выраженіе: «*экономическій материализмъ*».

Они понимаютъ, что подъ этимъ выраженіемъ могутъ укрыться совершенно идеалистическіе взгляды ⁷³⁾.

Бывшій марксистъ и социаль-демократъ, г. Бернштейнъ находитъ, что историческая теорія Маркса и Энгельса наиболѣе точно обозначается предложеннымъ Бартомъ названіемъ: *экономическое пониманіе исторіи*. Послѣ всего сказаннаго излишне говорить, что это мнѣніе г. «критика» основывается лишь на полномъ непониманіи истиннаго характера «критикуемой» теоріи ⁷⁴⁾.

Разъ заговоривъ объ этомъ «критикѣ» напомнимъ читателю, что, по его мнѣнію, историческая теорія Маркса и Энгельса.

⁷³⁾ Хорошій примѣръ: историческіе взгляды Сень-Симона имѣли идеалистическую основу, а между тѣмъ и онъ, какъ мы видѣли, былъ экономическимъ материалистомъ не меньше Минье, Гизо или Ог. Тьерри.

⁷⁴⁾ Г. Бернштейнъ утверждаетъ, что „на основѣ материалистическаго пониманія исторіи покоится ученіе о классовой борьбѣ“ („Условія возможности социализма“, Лондонъ 1900, стр. 17). Читатель знаетъ теперь, что ученіе о классовой борьбѣ возможно не только на основѣ материалистическаго пониманія исторіи. Но какое дѣло до этого г. Бернштейну? Онъ „критикуетъ“, а не изучаетъ.

сама прошла черезъ процессъ развитія, въ результатъ котораго получилось нѣкоторое ограниченіе роли экономическаго «фактора» въ исторіи, въ пользу другихъ, *не-экономическихъ* «факторовъ». Въ пользу этого своего мнѣнія г. Бернштейнъ приводитъ такіе доводы. Въ 1859 г. въ предисловіи къ «Zur Kritik der politischen Oeconomie», Марксъ признаетъ за опредѣляющій факторъ данныя матеріальныя производительныя ⁷⁵⁾ силы и производственныя отношенія «людей», между тѣмъ, какъ позже, въ спорѣ съ Дюрингомъ, Энгельсъ «еще при жизни Маркса и въ согласіи съ нимъ», даетъ историческому материализму другое «объясненіе». Именно: «Тамъ значита, что, *послѣднія* ⁷⁶⁾ *причины* всѣхъ общественныхъ перемѣнъ и переворотовъ надлежитъ искать не въ головахъ людей, а въ измѣненіяхъ способа производства и обмена. Но послѣднія причины не исключаютъ одновременно дѣйствующихъ другихъ причинъ,—причинъ второй, третьей и другихъ степеней,—и ясно, что чѣмъ значительнѣе рядъ такихъ причинъ, тѣмъ сильнѣе ограничивается, какъ качественно, такъ и количественно опредѣляющая сила послѣднихъ причинъ. Фактъ вліянія ихъ остается, но окончательная форма вещей зависитъ не отъ него одного» ⁷⁷⁾.

Г. Бернштейнъ думаетъ, что «въ позднѣйшихъ работахъ Энгельсъ еще больше ограничилъ опредѣляющую силу производственныхъ отношеній». Въ доказательство онъ указываетъ на два письма Энгельса, напечатанныхъ въ «Socialistischer Akademiker» за октябрь 1895 года и написанныхъ—одно въ 1890, а другое въ 1894 г. Содержаніе этихъ писемъ хорошо характеризуется двумя цитатами, сдѣланными изъ нихъ г. Бернштейномъ.

Первая изъ нихъ гласитъ: «Такимъ образомъ, имѣются безчисленныя, взаимно-скрещивающіяся силы, безконечная группа параллелограмовъ силъ, дающихъ *равнодѣйствующую*,—историческое событіе,—которая сама опять можетъ разсматриваться, какъ продуктъ силъ, работающей, какъ цѣлое, безъ сознанія и воли, ибо то, что каждый въ отдѣльности желаетъ, встрѣчаетъ помѣху со стороны всѣхъ другихъ и то, что получается, есть нѣчто, чего не желалъ никто» (письмо 1890 г.).

Во второй цитатѣ мы читаемъ слѣдующее: «Политическое,

⁷⁵⁾ Русскій переводчикъ г. Э. Бернштейна поставилъ вмѣсто производительныхъ—производственныхъ силы („Условія возможности социализма“, стр. 6). Это совершенная бессмыслица.

⁷⁶⁾ Русскій переводчикъ вмѣсто „послѣднихъ“ причинъ поставилъ „конечныя“ причины, о которыхъ въ теоріи Маркса не можетъ быть и рѣчи.

⁷⁷⁾ Ibid., стр. 9.

правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и проч. развитіе покоится на экономическомъ. Но всё они реагируютъ одно на другое и на экономическій базисъ» (письмо 1895 г.).

Сдѣлавъ эти цитаты г. Бернштейнъ замѣчаетъ: «Читатель согласится, что это звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ приведенное въ началѣ мѣсто изъ Маркса»⁸²⁾.

«Въ началѣ» имъ приведено мѣсто изъ знаменитаго предисловія къ «Zur Kritik», говорящее о томъ, что способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ собою процессъ социальной, политической и умственной жизни. Допустимъ на минуту, что мѣсто это дѣйствительно «звучитъ» иначе, чѣмъ вышеприведенныя цитаты изъ писемъ Энгельса и посмотримъ, какъ «звучитъ» «Манифестъ», написанный за одиннадцать лѣтъ до выхода въ свѣтъ книги «Zur Kritik der politischen Oeconomie».

Мы уже обращали вниманіе читателя на то, что развитіе производительныхъ силъ признается тамъ самой глубокой причиной общественнаго развитія. Въ этомъ отношеніи точка зрѣнія «Манифеста» *тождественна* съ точкой предисловія къ «Zur Kritik». А какъ обстоитъ дѣло съ «параллелограммами силъ», и съ взаимодействіемъ различныхъ «факторовъ» общественнаго развитія.

«Манифестъ» показываетъ, какимъ образомъ успѣхи буржуазіи въ экономической области вели ее къ политической борьбѣ и къ политическимъ завоеваніямъ, которыя въ свою очередь ложились въ основу ея дальнѣйшихъ успѣховъ въ области экономіи... Словомъ, на счетъ политическаго «фактора» мы читаемъ здѣсь то же самое, что и въ письмѣ Энгельса 1895 г.,—политическое развитіе покоится на экономическомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ реагируетъ на экономическій базисъ.

Выходитъ, что взглядъ, который кажется г. Бернштейну довольно позднимъ результатомъ эволюціи исторической теоріи Маркса и Энгельса, въ дѣйствительности, былъ еще высказанъ еще съ 1848 г., т. е., въ такое время, когда по гипотезѣ г. Бернштейна, Марксъ и Энгельсъ должны были быть,—если здѣсь можно такъ выразиться,—«чистыми экономистами».

Но вѣдь это выходитъ пока еще только по отношенію къ политическому «фактору», а по отношенію къ другимъ, это, можетъ быть, и не вѣрно?

Посмотримъ. «Манифестъ» говоритъ, что умственная дѣятельность преобразуется вмѣстѣ съ матеріальной: «Когда древній міръ пришелъ въ упадокъ, древнія религіи были побѣждены христіан-

78) Тамъ же, стр. 9.

ствомъ. Когда христіанскія идеи уступали мѣсто просвѣтительнымъ идеямъ XVIII в., феодальное общество вело борьбу на жизнь и смерть съ революціонной тогда буржуазіей». Уже въ этихъ словахъ заключается признаніе взаимодѣйствія между экономическимъ развитіемъ общества съ одной стороны и умственнымъ его развитіемъ съ другой. Но признаніе остается здѣсь скрытымъ и потому его еще можно оспаривать. Но послѣдняя глава «Манифеста» не оставляетъ уже ровно никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Въ этой главѣ, выясняя отношеніе коммунистовъ къ другимъ рабочимъ партіямъ, авторы говорятъ, что коммунисты стремятся выработать въ умахъ рабочихъ какъ можно болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата. Почему же коммунисты дѣлаютъ это? Очевидно, потому, что признаютъ значеніе *идей*. Впрочемъ, авторы и сами спѣшатъ пояснить ихъ цѣль. Коммунистическая партія, говорятъ они, «хочетъ, чтобы общественныя и политическія условія, которыя принесетъ съ собой господство буржуазіи, могли послужить нѣмецкимъ рабочимъ оружіемъ противъ той же буржуазіи, чтобы борьба противъ нея началась тотчасъ же послѣ паденія реакціонныхъ классовъ въ Германіи». Здѣсь обнаруживается совершенно тотъ же взглядъ на значеніе *умственного* «фактора», который мы отмѣтили по отношенію къ «фактору» *политическому*; умственное развитіе основывается на экономическомъ, но затѣмъ, въ свою очередь, вліяетъ на него (черезъ посредство социальна-политической дѣятельности людей). Выходитъ, что и идейный «факторъ» былъ признаваемъ Марксомъ и Энгельсомъ не только во время полемики съ Дюрингомъ, но еще въ 1848 г.—и даже не только въ 1848 г., а еще въ эпоху изданія «Deutsch-Französische Jahrbücher». По крайней мѣрѣ, относительно Маркса это ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія слѣдующія замѣчательныя строки изъ его статьи о гегелевской философіи права.

«Ни одинъ классъ не можетъ сыграть этой (освободительной) роли, не вызвавъ на время энтузіазма въ себѣ и въ массѣ. Въ теченіе этого времени онъ братается со всѣмъ обществомъ, его признаютъ *всеобщимъ представителемъ*, ему сочувствуютъ, какъ таковому; въ теченіе этого времени права и требованія этого класса являются правами и требованіями всего общества, а самъ онъ—головой общества и его сердцемъ».

Какъ видите, общественно-преобразовательная роль сознанія вообще и даже энтузіазма въ частности признается здѣсь самымъ категорическимъ образомъ. Психическій «факторъ» реагируетъ на общественныя (а слѣдовательно, и экономическія) отношенія. А затѣмъ Марксъ поясняетъ, какимъ образомъ указанное имъ отно-

шеніе всего общества къ «классу-освободителю» вырастаетъ на почвѣ борьбы классовъ: «чтобы одно сословіе явилось сословіемъ-освободителемъ par excellence, нужно, чтобы какое-нибудь другое сословіе явилось въ общемъ сознаніи, наоборотъ, сословіемъ-поработителемъ. Отрицательно-универсальное значеніе французскаго дворянства и духовенства обусловливало положительное-универсальное значеніе стоявшаго рядомъ съ ними и противъ нихъ класса буржуазіи» ⁷⁹⁾.

Выводъ: Уже съ самаго начала своей дѣятельности основатели научнаго социализма выражали тотъ же взглядъ на взаимное отношеніе различныхъ «факторовъ» историческаго развитія, какой мы встрѣчаемъ въ выпискахъ, дѣлаемыхъ г. Бернштейномъ изъ писемъ Энгельса, писанныхъ въ девяностыхъ годахъ. Да иначе быть не могло: если бы въ началѣ своей политической карьеры Марксъ и Энгельсъ въ самомъ дѣлѣ не придавали значенія политическому и духовному «факторамъ» и не допускали бы воздѣйствія ихъ на экономическое развитіе общества, то ихъ практическая программа была бы совершенно другая: они не говорили бы, что рабочій классъ не можетъ освободиться отъ экономическаго ига буржуазіи, не захвативъ въ свои руки политической власти. И точно такъ же они не говорили бы о необходимости развитія самосознанія рабочихъ: зачѣмъ развивать его, если оно не играетъ никакой роли въ общественномъ движеніи, и если все дѣлается въ исторіи независимо отъ сознанія, одною силою экономической необходимости? Но кто же не знаетъ, что развитіе самосознанія рабочихъ было ближайшей практической задачей Маркса и Энгельса съ самаго начала ихъ общественной дѣятельности? А г. Бернштейну, какъ бывшему «марксисту», не мѣшало бы также знать и то, что энергичная умственная работа, совершавшаяся въ началѣ сороковыхъ годовъ въ средѣ французскихъ и англійскихъ рабочихъ, служила Марксу однимъ изъ главныхъ доводовъ противъ тѣхъ писателей, которые, подобно Бруно Бауэру, не хотѣли знать «массы» и возлагали все свои упованія на «критически-мыслящихъ личностей» ⁸⁰⁾.

Попробуемъ построить другую гипотезу: въ началѣ своей дѣятельности Марксъ и Энгельсъ смотрѣли на «факторы» тѣми самыми глазами, какими смотрѣлъ на нихъ Энгельсъ въ девяностыхъ годахъ. А въ серединѣ этой дѣятельности, около времени выхода книги «Zur Kritik», Марксъ—одинъ или вмѣстѣ съ Энгельсомъ—почему либо измѣнилъ этотъ свой взглядъ и вдался въ

⁷⁹⁾ Deutsch-Französische Jahrbücher, S. 82.

⁸⁰⁾ Die heilige Familie, S. 125.

ту крайность, которую ожидалъ г. Бернштейнъ въ предисловіи къ названной книгѣ.

Но и эта гипотеза не выдерживаетъ критики. Не выдерживаетъ по той причинѣ, что въ названномъ предисловіи высказывается какъ разъ тотъ же взглядъ на «факторы», который, по мнѣнію г. Бернштейна, возникъ лишь въ результатѣ *эволюціи* исторической теоріи Маркса. Читатель безъ труда согласится съ нами, если дастъ себѣ трудъ вдуматься въ ту самую цитату, на которую ссылается нашъ глубокомысленный «критикъ». «Способъ производства матеріальной жизни вообще обуславливаетъ собою процессъ соціальной, политической и умственной жизни». Это значитъ, что соціальный, политическій и умственный «факторы» вырастаютъ на экономической почвѣ.

Далѣе: «На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями или... съ отношеніями собственности, внутри которыхъ онѣ до сихъ поръ развивались. Эти отношенія перестаютъ быть формами, способствовавшими развитію производительныхъ силъ и становятся препятствіемъ для него».

Имущественныя отношенія относятся къ области *права*. Въ данное время данныя имущественныя отношенія способствуютъ развитію производительныхъ силъ. Это значитъ, что правовыя формы, выросшія на данномъ экономическомъ базисѣ, въ свою очередь реагируютъ на развитіе экономики. Потому, — и между прочимъ, благодаря этому реагированію, — наступаетъ такое время, когда данныя правовыя формы начинаютъ мѣшать развитію производительныхъ силъ. Это опять значитъ, что эти формы реагируютъ хотя теперь уже въ обратномъ смыслѣ — на развитіе общественно-экономическихъ отношеній. Вслѣдствіе противорѣчія между производительными силами и имущественными отношеніями наступаетъ эпоха соціальнаго переворота. *Что* достигается этимъ переворотамъ? *Какая* цѣль преслѣдуется ею? Устраненіе старыхъ и установленіе новыхъ отношеній производства, новыхъ правовыхъ учрежденіе. Для чего же нужно это устраненіе и это установленіе? Для дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ. Это снова и снова означаетъ, что правовыя формы, выросшія на данной экономической основѣ, съ своей стороны вліяютъ на эту основу. Неужели это не то же самое, что говорилось въ «Манифестѣ», повторялось почти во всѣхъ другихъ сочиненіяхъ Маркса и было указано въ цитируемыхъ г. Бернштейномъ письмахъ Энгельса?

А психическій «факторъ»? Можетъ быть, о немъ въ предисловіи говорится не то, что въ другихъ сочиненіяхъ Маркса и

Энгельса? О немъ мало говорится въ предисловіи, но то, что говорится тамъ, нисколько не противорѣчитъ тому, что сказано въ письмахъ Энгельса. Развитие производительныхъ силъ ставить людей въ извѣстныя отношенія производства, ведетъ къ возникновенію извѣстныхъ правовыхъ формъ. Даннымъ правовымъ формамъ соотвѣтствуютъ извѣстныя правовыя понятія людей. Съ дальнѣйшимъ ростомъ производительныхъ силъ, по мѣрѣ того, какъ ихъ состоянію перестаютъ соотвѣтствовать старыя правовыя формы, въ головахъ тѣхъ людей, интересы которыхъ нарушаются такимъ несоотвѣтствіемъ, возникаетъ сомнѣніе въ пригодности и справедливости старыхъ правовыхъ учреждений: у нихъ являются новыя понятія о правѣ и о справедливости, соотвѣтствующія вновь достигнутой обществомъ ступени развитія производительныхъ силъ. Въ сторону этихъ новыхъ понятій о правѣ и о справедливости направляется критическая дѣятельность борцовъ противъ стараго порядка, ведущая къ созданію новыхъ правовыхъ учреждений, дающихъ новый толчокъ развитію производительныхъ силъ и т. д. и т. д. Это говорится въ предисловіи, и мы спрашиваемъ безпристрастнаго читателя, противорѣчитъ-ли это хоть на волосъ тому, что высказалъ Энгельсъ въ своихъ письмахъ.

Конечно не противорѣчитъ. Но предисловіе написано болѣе отвлеченнымъ языкомъ и притомъ по совершенно другому поводу. Именно, въ предисловіи Марксъ хотѣлъ оттъннить, что общественныя отношенія «не объясняются ни своей собственной природой, ни, такъ называемымъ, общимъ развитіемъ человѣческаго духа». Съ этой цѣлью онъ выставлялъ на видъ преимущественно *экономическую основу* развитія названныхъ отношеній. А Энгельсъ въ своихъ письмахъ обращался къ человѣку, который, — подобно многимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, — думалъ, что въ теоріи «экономическаго матеріализма» нѣтъ мѣста для дѣйствія политическаго, правового и духовнаго «факторовъ», а потому онъ, мимоходомъ указавъ на экономическую основу всѣхъ этихъ «факторовъ», особенно оттънялъ то обстоятельство, что эти «факторы», выросши на экономической почвѣ, воздѣйствуютъ на нее съ своей стороны. Вотъ только и всего. Если бы г. Бернштейнъ былъ способенъ пойти хоть немного дальше *словъ* разбираемой имъ теоріи и проникнуть въ ея *содержаніе*, то онъ съ большою легкостью понялъ бы, что историческіе взгляды, изложенные въ предисловіи «Zur Kritik», оставляютъ ровно столько же мѣста для дѣйствія «причинъ второй, третьей и т. д. степени» какъ и ученіе, содержащееся въ анти-Дюрингѣ, а заключающееся въ письмѣ отъ 1890 г. разсужденіе Энгельса о томъ, что историческія событія могутъ разсматриваться, какъ продуктъ силы, ра-

ботающей бессознательно, есть то же самое, что въ предисловіи говорить Марксъ о дѣйствии основной причины общественаго развитія, независимой отъ сознанія и воли людей. Здѣсь полнѣйшее тождество, а г. Бернштейнъ ухитрился понять слова Энгельса какъ нѣчто, измѣняющее смыслъ предисловія и дополняющее его. О, «критика»!

Г. Бернштейнъ критикуетъ не только историческую теорію Маркса и Энгельса, но также и ихъ ученіе о борьбѣ классовъ. По его словамъ, борьба классовъ ставитъ въ настоящее время передъ пролетаріатомъ уже не тѣ практическія задачи, на какія указывали авторы «Манифеста». Борьба пролетаріата съ буржуазіей въ наиболѣ развитыхъ странахъ цивилизованнаго міра не можетъ повести теперь къ диктатурѣ пролетаріата, и потому разговоры о ней становятся простымъ фразерствомъ. Но пусть лучше говорить самъ г. Бернштейнъ.

«Имѣетъ ли, напримѣръ, смыслъ повторять фразу о диктатурѣ пролетаріата въ такое время, когда во всевозможныхъ учрежденіяхъ представители социаль-демократіи практически становятся на почву парламентской борьбы, пропорціональнаго представительства и народнаго законодательства, противорѣчащихъ диктатурѣ? Она въ настоящее время настолько пережита, что иначе нельзя согласить ея съ дѣйствительностью, какъ путемъ отнятія у слова диктатура его истиннаго значенія и приданія ему какого нибудь смигченнаго смысла»⁸²⁾.

Во второй половинѣ 80-хъ годовъ у насъ появился особый видъ «соціалиста», главная и, можно сказать, мучительная забота котораго заключалась въ томъ, чтобы не испугать либерала. Призракъ испуганнаго либерала до такой степени пугалъ соціалистовъ этого вида, что вносилъ несказанную путаницу во всѣ ихъ теоретическія разсужденія. Г. Бернштейнъ очень напоминаетъ такихъ «соціалистовъ». Его главная забота состоитъ въ томъ, чтобы какъ нибудь не испугать демократическую буржуазію. Если онъ отказывается отъ матеріализма и рекомендуетъ вернуться къ Канту, то единственно потому, что кантіанизмъ оставляетъ мѣсто для религіознаго суевѣрія, а г. Бернштейну не хочется шокировать религіозныя суевѣрія современнаго буржуа. Если г. Бернштейнъ возстаетъ противъ матеріалистическаго ученія о необходимости, то лишь потому, что будучи примѣнено къ общественнымъ явленіямъ, это ученіе не оставляетъ никакого мѣста для упованій пролетаріата на благожелательность буржуазіи, а слѣдовательно, и для взаимнаго сближенія этихъ двухъ классовъ. На-

⁸²⁾ Условія возможности социализма, стр. 158.

конецъ, если г. Бернштейнъ не любитъ «фразы» на счетъ диктатуры пролетаріата, то это опять таки единственно потому, что она неприятно рѣжетъ слухъ даже самой «демократической» буржуазіи. Но людямъ, не пугающимся призрака испуганныхъ буржуа, вопросъ о диктатурѣ пролетаріата представляется совѣтмъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ видитъ его г. критикъ.

Диктатура всякаго даннаго класса означаетъ—какъ это прекрасно зналъ еще Минье—*господство* этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своихъ интересовъ и для прямого или косвеннаго подавленія всѣхъ тѣхъ общественныхъ движеній, которые нарушаютъ эти интересы ⁸³). Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что, напр., французская буржуазія добила диктатуры еще въ эпоху перваго Учредительнаго Собранія и затѣмъ, съ нѣкоторыми перерывами, продолжала пользоваться ею вплоть до нашихъ дней, когда даже такъ называемый Жоресомъ социалистическій министръ, Миллеранъ не можетъ воспрепятствовать разстрѣливанію рабочихъ, осмѣливающихся не повиноваться капиталистамъ. При такомъ положеніи дѣла задача французскаго пролетаріата состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы устранить «условія возможности» этой диктатуры буржуазіи. Къ числу важнѣйшихъ изъ этихъ условій принадлежитъ неразвитость классоваго самосознанія производителей, значительная часть которыхъ до сихъ поръ еще находится подъ вліяніемъ эксплуататоровъ. Одна изъ важнѣйшихъ практическихъ задачъ партіи заключается, поэтому, въ просвѣщеніи непросвѣщенныхъ, въ подталкиваніи отсталыхъ, въ доразвитіи неразвитыхъ. Парламентская и всякая другая легальная политическая дѣятельность представителей социаль-демократіи содѣйствуетъ осуществленію этой важной задачи и потому *заслуживаетъ всякаго уваженія и одобренія*. Но она хороша тѣмъ, что устраняетъ духовныя «условія возможности» диктатуры буржуазіи и создаетъ духовныя «условія возможности» будущей диктатуры пролетаріата. Она не противорѣчитъ диктатурѣ пролетаріата; она подготавливаетъ ее. Называть *фразой* указаніе рабочимъ на необходимость диктатуры ихъ класса можетъ только тотъ, кто утратилъ всякое представленіе объ «*окончательной цѣли*» (Endziel) и думаетъ лишь о «движеніи» (Bewegung)... въ сторону буржуазнаго социализма.

⁸³) Просимъ читателя припомнить выше приведенное положеніе Минье: „Извѣстно, что сила, достигшая господства, всегда овладѣваетъ учрежденіями“. Когда данный классъ „овладѣваетъ учрежденіями, наступаетъ эпоха его диктатуры“.

Но, по словамъ г. Бернштейна, классовая диктатура принадлежитъ къ болѣе низкой культурѣ, «и... надобно признать за шагъ назадъ, за политическій атавизмъ мысль о томъ, будто переходъ изъ капиталистическаго общества въ социалистическое долженъ непременно совершиться подъ формами развитія эпохи, которой еще незнакомы были или знакомы были лишь въ самой несовершенной формѣ современные методы пропаганды и проведенія законовъ и недоставало необходимыхъ къ тому органовъ»⁸⁴).

Диктатура даннаго класса есть, какъ мы сказали, господство этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своихъ интересовъ и для подавленія всѣхъ общественныхъ движеній, прямо или косвенно угрожающихъ этимъ интересамъ. Спрашивается, можно ли назвать политическимъ атавизмомъ стремленіе къ такому господству того или другого класса современнаго общества? Нѣтъ, нельзя. Въ этомъ обществѣ существуютъ *классы*. Тамъ, гдѣ существуютъ классы, неизбежна *классовая борьба*. Тамъ, гдѣ есть *классовая борьба*, необходимо и естественно *стремленіе каждаго изъ борющихся классовъ* къ полной побѣдѣ надъ своимъ противникомъ и къ полному надъ нимъ господству. Буржуазія и ея идеологи могутъ осуждать—во имя «нравственности» и «справедливости»—такое стремленіе всякій разъ, когда пролетаріатъ обнаруживаетъ его съ замѣтной силой. Но мы знаемъ, что уже въ январѣ 1848 г. Гизо называлъ классовую борьбу стыдомъ и горемъ Франціи. Но мы знаемъ также, что это осужденіе классовой борьбы и завоевательныхъ стремленій рабочаго класса было подкаzano буржуазіи лишь инстинктомъ самосохраненія, и что классовая диктатура представлялась ей совѣмъ въ другомъ свѣтѣ, когда она еще вела свою многовѣковую тяжбу съ аристократіей и была твердо убѣждена въ томъ, что ея корабля не потопитъ никакая буря. Рабочему классу не можетъ и не должна импонировать та будто бы правдивность и та якобы справедливость, къ которымъ взываютъ буржуа времени упадка⁸⁵). Минье говорилъ, что только

⁸⁴) Тамъ же, стр. 159.

⁸⁵) И это тѣмъ болѣе, что диктатура пролетаріата положить конецъ существованію классовъ, а слѣдовательно, ихъ борьбѣ со всѣми вызываемыми ею и теперь неизбежными страданіями. Но буржуазія не хочетъ и, по своему общественному положенію, не можетъ понять этого. Она стремилась къ диктатурѣ и находила ее необходимымъ и вполнѣ позволительнымъ средствомъ достиженія цѣли во время своей борьбы съ аристократіей. Но она стала осуждать это средство и находить его излишнимъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ зашла рѣчь о диктатурѣ рабочаго

силою можно добиться признанія своихъ правъ, и что до сихъ поръ нѣтъ другого верховнаго владыки, кромѣ силы. Это было какъ нельзя болѣе справедливо въ наше время борьбы пролетаріата съ буржуазіей. Если бы мы вздумали увѣрять рабочихъ, что въ буржуазномъ обществѣ сила уже не имѣетъ того значенія, какое она имѣла при старомъ «порядкѣ», то мы сказали бы имъ явную и вопіющую неправду, которая—какъ и всякая неправда—только удлинила бы и увеличила бы «мученія родовъ».

Правда—сила и насиліе совѣмъ не одно и то же. Въ международныхъ политическихъ отношеніяхъ значеніе cadaго государства опредѣляется его силой, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что признаніе правъ сильнаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предполагаетъ насильственные дѣйствія. То же—и въ междуцлассовыхъ отношеніяхъ. Значеніе cadaго даннаго класса всегда опредѣляется его *силой*, но для признанія его значенія далеко не всегда нужно *насиліе*. Роль насилія иногда суживается, иногда расширяется въ зависимости отъ политическаго устройства данной страны. Г. Бернштейнъ думаетъ, что въ современныхъ демократическихъ странахъ рабочій классъ для достиженія своихъ цѣлей не имѣетъ надобности въ насиліи. Это слишкомъ оптимистическій взглядъ, внушенный нашему «критику» его постоянной заботой о томъ, чтобы не испугать буржуазныхъ демократовъ. Современная Франція обладаетъ демократической конституціей, и, однако, никто изъ людей, знакомыхъ съ внутренней жизнью этой страны, не поручится за то, что ея пролетаріатъ не будетъ вынужденъ сопротивляться открытой силой насилію, испытываемому имъ со стороны буржуазіи. Болѣе того. Всякій знакомый съ конституціей Франціи скажетъ, что въ этой странѣ къ возстанію пролетаріата легко можетъ привести сама логика избирательнаго права ⁸⁶⁾. Или возьмите хоть Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Это—тоже демократическая страна. Но въ этой демократической странѣ освобожденіе негровъ могло быть куплено лишь цѣною междоусобія, и нельзя поручиться за то, что американскому пролетаріату не придется *насиліемъ* расчищать себѣ путь къ своему экономическому освобожденію. По мнѣнію г. Бернштейна «вся практическая дѣятельность социаль-демократіи сводится

класса. Это напоминаетъ дикаря, слѣдующимъ образомъ поясниваша различіе между добромъ и зломъ: „Добро—это когда я чтонибудь отниму у другихъ; а зло—это когда у меня чтонибудь отнимутъ“ И нужно имѣть много доброй воли, чтобы, подобно г. Бернштейну, находить убѣдительными доводы буржуазіи, пугающей мысли о диктатурѣ пролетаріата.

⁸⁶⁾ Ср. J. Jaures. Le Socialisme français въ Cosmopolis, Janvier 1898 pp. 119—121.

къ тому, чтобы создать такія обстоятельства и условія, которыя сдѣлали бы возможнымъ и необходимымъ переходъ современнаго общественнаго строя въ высшій безъ конвульсивныхъ потрясеній»⁸⁷⁾. Въ этихъ его словахъ есть доля истины. Соціально-демократія дѣйствительно заинтересована въ томъ, чтобы переходъ въ высшій общественный порядокъ совершился безъ потрясеній. Но значить-ли это, что она должна отказаться отъ диктатуры пролетаріата? Совсѣмъ нѣтъ! Идя въ Пекинъ, союзныя европейско-американско-японскія войска были чрезвычайно заинтересованы въ томъ, чтобы занятіе китайской столицы совершилось безъ пролитія крови, но, тѣмъ не менѣе, они на минуту не покидали мысли объ ея занятіи. Никакая цѣль не можетъ измѣниться отъ того, что люди стремятся достигнуть ея съ наименьшими усиліями. Но, когда люди твердо рѣшили во что бы то ни стало достигнуть данной цѣли, выборъ средствъ зависитъ уже не отъ нихъ самихъ, а отъ обстоятельствъ. И именно потому, что соціально-демократія не въ состояніи предвидѣть всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ рабочему классу придется завоевывать свое *господство*⁸⁸⁾, она не можетъ принципиально отказываться отъ *насильственнаго способа* дѣйствій. Она должна помнить старое, испытанное правило: если хочешь мира, готовься къ войнѣ.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что самъ Энгельсъ подъ конецъ жизни настоятельно совѣтовалъ соціалистическимъ партіямъ всѣхъ странъ избѣгать насильственныхъ дѣйствій и оставаться на почвѣ мирной борьбы законными средствами⁸⁹⁾. На это мы отвѣтимъ вотъ что.

Энгельсъ далъ этотъ свой совѣтъ, основываясь на трехъ соображеніяхъ: 1) на томъ, что соціалистическая революція предполагаетъ высокое развитіе сознанія рабочей массы, для котораго нужно время⁹⁰⁾; 2) на томъ, что нѣмецкіе охранители всѣми силами стараются теперь толкнуть нѣмецкую соціально-демократію на возстаніе, надѣясь разбить ее и тѣмъ положить конецъ ея непре-

⁸⁷⁾ Тамъ же, стр. 158.

⁸⁸⁾ Мы уже сказали раньше, зачѣмъ нужно пролетаріату такое господство

⁸⁹⁾ См. его (помѣченное мартомъ 1895 г.) предисловіе къ сочиненію Маркса о классовой борьбѣ во Франціи въ 1848—50 гг.

⁹⁰⁾ „Die Zeit der Überrumpelungen, der von kleinen bewussten Minoritäten an der Spitze bewusstloser Massen durchgeführten Revolutionen ist vorbei. Wo es sich um eine vollständige Umgestaltung der gesellschaftlichen Organisation handelt, da müssen die Massen selbst dabei sein, selbst schon begriffen haben, worum sich handelt, für was sie eintreten sollen... Damit aber die Massen verstehen, was zu thun ist, dazu bedarf es langer, ausdauernder Arbeit“ etc. Die Klassenkämpfe in Frankreich. Vorwort, J 16.

рыннымъ успѣхамъ⁹¹⁾, и 3) на томъ, что современное вооруженіе войска дѣлаетъ безнадежнымъ всякія попытки уличныхъ возстаній⁹²⁾.

Первыя два изъ этихъ соображеній не нуждаются ни въ какихъ «поправкахъ» и ни въ какихъ комментаріяхъ. Они изложены такъ ясно и такъ очевидно справедливы, что противъ нихъ не стануть возражать ни тѣ, которые дѣйствительно умѣютъ критиковать ученіе Маркса и Энгельса, ни даже тѣ, которые годны только на то, чтобы красоваться «подъ знакомъ критики». Но эти два соображенія осуждаютъ не насильственные дѣйствія вообще, а только преждевременныя насильственные дѣйствія, и потому не имѣютъ ничего общаго съ доводами сторонниковъ мирнаго развитія *quand même*.

Что касается третьяго соображенія, то при внимательномъ анализѣ смыслъ его оказывается не совсѣмъ такимъ, какимъ онъ представляется на первый взглядъ.

Если мы сопоставимъ разсужденіе Энгельса съ знаменитыми заключительными строками «Манифеста Коммунистической Партіи», то мы увидимъ, что къ концу своей жизни Энгельсъ значительно измѣнилъ свой взглядъ на роль открытыхъ возстаній въ освободительной борьбѣ пролетаріата.

Между тѣмъ, какъ въ эпоху опубликованія «Манифеста» онъ и Марксъ считали открытое возстаніе неизбѣжнымъ условіемъ побѣды рабочаго класса, Энгельсъ къ концу своей жизни призналъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ легальный путь тоже можетъ привести къ побѣдѣ, а на возстаніе сталъ смотрѣть какъ на такой способъ дѣйствій, который при современной техникѣ военнаго дѣла сулитъ социалистамъ не побѣду, а жестокое пораженіе, и не перестанетъ сулить его до тѣхъ поръ, пока сама армія не проникнется социалистическимъ духомъ.

Этотъ новый взглядъ Энгельса заслуживаетъ, разумѣется, полнаго вниманія и уваженія, но онъ ни мало не противорѣчитъ тому, что мы сказали выше о возможномъ значеніи насильственныхъ дѣйствій въ революціонной борьбѣ рабочаго класса. Онъ только выясняетъ намъ условія, необходимыя для успѣшности такого рода дѣйствій.

Къ этому надо прибавить, что иное дѣло диктатура даннаго класса, и иное дѣло насильственные дѣйствія, предпринимаемыя этимъ классомъ въ своемъ стремленіи къ диктатурѣ. Во время реставраціи, Гизо и его единомышленники чрезвычайно энергично

⁹¹⁾ Ibid., S. 17.

⁹²⁾ Ibid., SS. 14—15.

и вполне сознательно стремились къ установленію диктатуры «средняго класса», но никто изъ нихъ не думалъ о насильственныхъ дѣйствіяхъ вообще и объ уличномъ возстаніи въ частности. Гизо навѣрное рѣзко осудилъ бы тогда всякій планъ такого возстанія. Но это не мѣшало ему быть *революціонеромъ*, потому что онъ ни на минуту не переставалъ развивать въ умахъ людей «средняго класса» сознаніе враждебной противоположности ихъ интересовъ съ интересами аристократіи и доказывать имъ, что всякая мысль о примиреніи съ ней есть *вредная химера*. Совершенно такими же революціонерами (только стоявшими на точкѣ зрѣнія другаго класса) явились Марксъ и Энгельсъ въ «Манифестъ Коммунистической Партіи», и совершенно такими же революціонерами остались они до послѣдняго своего издыханія. Въ этомъ отношеніи взгляды ихъ не измѣнились ни на волосъ, вопреки увѣреніямъ тѣхъ «критиковъ», которые цѣликомъ состоятъ, по выраженію Маркса, изъ «съ одной стороны» и «съ другой стороны», которымъ очень хотѣлось бы освободить пролетаріатъ, не обидѣвъ при этомъ буржуазіи и которыхъ можно сказать словами Нитше: *selig sind diese Schläfrigen denn sie sollen bald einnicken*.

Вотъ все, что намъ хотѣлось сказать объ основной мысли «Манифеста» и о выгодахъ, непосредственно изъ нея вытекающихъ. Отдѣльныя его положенія будутъ, какъ сказано, разсмотрѣны нами въ брошюрѣ «Критика нашихъ критиковъ». Мы увидимъ тамъ, *были ли правы*, и если да, то *въ какой мѣрѣ были правы* Марксъ и Энгельсъ, когда они говорили, что производительныя силы буржуазнаго общества переросли современныя ему производственныя отношенія; и что это противорѣчіе между производительными силами съ одной стороны и производственными отношеніями съ другой—является глубокой соціальной основой революціоннаго движенія современнаго рабочаго класса.

Г. Плехановъ.

Женева, августъ 1900 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРОВЪ

къ нѣмецкому изданію 1872 года.

«Союзъ Коммунистовъ», международная рабочая организація, котóрая при тогдашнихъ обстоятельствахъ, разумѣется, могла

быть только тайною, поручила нижеподписавшимся на лондонскомъ конгрессѣ въ ноябрѣ 1847 года написать подробную, предназначенную для опубликованія, теоретическую и практическую программу партіи. Такимъ образомъ, появился слѣдующій ниже «Манифестъ», рукопись котораго была отправлена въ Лондонъ для напечатанія за нѣсколько недѣль до февральской революціи. Опубликованный сначала по-нѣмецки, онъ выдержалъ на этомъ языкѣ по меньшей мѣрѣ двѣнадцать различныхъ изданій въ Германіи, Англии и Америкѣ. На англійскомъ языкѣ онъ появился сначала въ 1850 г. въ лондонскомъ «Red Republican», въ переводѣ миссъ Елены Макферленъ (Macferlane), и затѣмъ, въ 1871 г., по меньшей мѣрѣ, въ трехъ различныхъ переводахъ въ Америкѣ. На французскомъ языкѣ онъ появился въ первый разъ въ Парижѣ, незадолго до іюньскаго возстанія 1848 г., потомъ въ нью-іоркскомъ изданіи «Le Socialiste». Теперь готовится новый переводъ. По польски онъ былъ напечатанъ вскорѣ послѣ перваго нѣмецкаго изданія. По русски—въ шестидесятыхъ годахъ въ Женевѣ. Датскій переводъ вышелъ въ свѣтъ тоже вскорѣ послѣ его появленія.

Хотя общественныя отношенія очень сильно измѣнились въ теченіе послѣдняго 25-лѣтія, но развитія въ этомъ «Манифестѣ» общія положенія въ цѣломъ сохранили бы все свое значеніе и по настоящее время.

Нѣкоторыя же частности нуждались бы въ поправкѣ.

Практическое примѣненіе этихъ общихъ положеній, какъ гласитъ самъ «Манифестъ», должно всегда и вездѣ находиться въ зависимомъ отъ исторически-сложившихся обстоятельствъ. Поэтому, не нужно придавать исключительнаго значенія предлагаемымъ въ концѣ второй главы революціоннымъ мѣрамъ. Это мѣсто слѣдовало бы въ настоящее время измѣнить во многихъ отношеніяхъ. Въ виду громаднаго развитія крупной промышленности въ послѣднее двадцатипятилѣтіе и связанныхъ съ нимъ успѣховъ организаци рабочаго сословія въ особую партію, въ виду практическаго опыта, во первыхъ февральской революціи и еще болѣе Парижской Коммуны, гдѣ въ первый разъ политическая власть была, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ въ рукахъ пролетаріата—упомянутая практическая программа мѣстами уже устарѣла. Именно Парижская Коммуна доказала, что «рабочій классъ не можетъ овладѣть готовой государственной машиной и воспользоваться ею для своихъ собственныхъ цѣлей». (См. «Гражданскую войну во Франціи», отчетъ Генеральнаго Совѣта Международнаго Товарищества Рабочихъ, стр. 19 нѣмецкаго изданія, гдѣ это развито подробнѣе ¹⁾). Да-

¹⁾ См. приложение I.

лѣе, само собой разумѣется, что критика социалистической литературы неполна для настоящаго времени, такъ какъ она доходить лишь до 1847 года.

Точно также и замѣчанія объ отношеніи коммунистовъ къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ (глава IV^а), и теперь еще вѣрныя въ общемъ въ подробностяхъ своихъ уже потому оказываются устарѣвшими, что политическія отношенія теперь совершенно измѣнились и большая часть перечисленныхъ тамъ партій самимъ ходомъ историческаго развитія устранена съ общественной арены.

Но «Манифестъ» представляетъ собой историческій документъ, измѣрять который мы не считаемъ уже себя вправе. Быть можетъ, къ слѣдующему изданію его будетъ прибавлено введене, обнимающее промежутокъ отъ 1847 года до настоящаго времени. На этотъ разъ изданіе его было предпринято слишкомъ неожиданно для насъ, чтобы мы могли имѣть необходимое для этого время.

Карль Маркъсъ. Фридрихъ Энгельсъ.

Лондонъ 24-го іюня 1872 г.

Предисловіе къ нѣмецкому изданію 1883 г.

Предисловіе къ предлагаемому изданію должно быть, къ сожалѣнію, подписано однимъ мною. Маркъсъ — человекъ, которому рабочее движеніе Европы и Америки обязано болѣе, чѣмъ всякому другому — покоится на Хайгэтскомъ кладбищѣ, и его могила уже поросла первою травою. Со времени его смерти совѣмъ уже не можетъ быть рѣчи о передѣлкѣ или о пополненіи «Манифеста». Но за то я считаю тѣмъ болѣе необходимымъ еще разъ рѣшительно высказать здѣсь слѣдующее.

Основная мысль, пропитывающая собою «Манифестъ», та мысль, что въ каждую данную историческую эпоху экономическое производство и неизбѣжно обусловливаемое имъ строеніе общества составляетъ основу политической и умственной исторіи; что, соотвѣтственно этому, вся исторія съ тѣхъ поръ, какъ разложилось первобытное общинное землевладѣніе, была исторія классовой борьбы, т. е., борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія; но что эта борьба

достигла той ступени, на которой эксплуатируемый и угнетаемый классъ (пролетаріатъ) не можетъ освободить себя объ эксплуатирующаго и угнетающаго его класса (буржуазіи), не освободивъ въ то же время и навсегда всего общества отъ эксплуатаціи, угнетенія и классовой борьбы—эта основная мысль принадлежитъ единственно и исключительно Марксу.

Я уже не однажды высказывалъ это; но именно теперь необходимо предпослать такое заявленіе.

Фридрихъ Энгельсъ.

Лондонъ, 28-го іюня 1883 г.

Предисловіе къ нѣмецкому изданію 1890 г.

... «Манифестъ» имѣлъ свою судьбу. При своемъ появленіи онъ былъ съ восторгомъ встрѣченъ передовымъ отрядомъ сторонниковъ научнаго социализма, какъ это доказываютъ упомянутые въ первомъ изданіи переводы его на другіе языки. Но вскорѣ затѣмъ онъ былъ оттѣсненъ реакціей, начавшейся вслѣдъ за пораженіемъ парижскихъ работниковъ въ іюнѣ 1848 года, и объявленъ внѣ закона послѣ осужденія кельнскихъ коммунистовъ въ ноябрѣ 1852 г. Когда исчезло съ общественной арены рабочее движеніе, начавшееся вслѣдъ за февральской революціей, «Манифестъ» также отошелъ на задній планъ.

Когда европейскій рабочій классъ снова достаточно окрѣпъ для новаго похода противъ господствующихъ классовъ, возникло «Международное Товарищество Рабочихъ». Его цѣлью было объединеніе въ одно большое войско всѣхъ, могущихъ идти въ бой силъ рабочаго класса Европы и Америки. Поэтому, оно не могло взять за *точку исхода* принципы, изложенные въ «Манифестѣ». Оно должно было имѣть такую программу, которая не затворила бы двери предъ англійскими трэдсъ-юніонами, французскими, бельгійскими, итальянскими и испанскими прудонистами и нѣмецкими лассальянцами *). Такая программа—введеніе къ уставу. Интерна-

*) Въ сношеніяхъ съ нами Лассаль признавалъ себя „ученикомъ“ Маркса и въ качествѣ такового, стоялъ, разумѣется, на почвѣ „Манифеста“. Иначе обстояло дѣло съ тѣми изъ его послѣдователей, которые не шли дальше требованія производительныхъ товариществъ съ государственными кредитомъ и которые подраздѣляли весь рабочій классъ на сторонниковъ самопомощи и сторонниковъ помощи отъ государства.

ціонала—была написана Марксомъ съ мастерствомъ, которому отдавали справедливость даже Бакунинъ и анархисты. Марксъ былъ вполнѣ увѣренъ, что умственное развитие рабочаго класса, которое должно было явиться неизбѣжнымъ плодомъ совмѣстнаго дѣйствія и обсуждения, было вполнѣ достаточнымъ ручательствомъ за полную побѣду въ будущемъ положеній высказанныхъ въ «Манифестъ». Событія и перипетіи борьбы съ капиталомъ, побѣды, а еще болѣе, пораженія непремѣнно должны были обнаружить передъ борющимися полную недостаточность тѣхъ панацей, которыхъ они придерживались и сдѣлать ихъ головы болѣе доступными для основательнаго пониманія истинныхъ условій эмансипаціи рабочихъ. И Марксъ былъ правъ. Въ 1874 г. во время разложенія Интернаціонала, рабочій классъ былъ совсѣмъ не тотъ, какимъ онъ былъ въ 1864 г., при основаніи этого общества. Прудонизмъ въ романскихъ странахъ и специфическое лассальянство въ Германіи находились при послѣднемъ издыханіи, и даже тогдашніе, коснѣвшіе въ консерватизмѣ, трэдсъ-юніоны постепенно пришли къ тому, что въ 1887 г. предсѣдатель ихъ конгресса, Суонси, могъ сказать отъ ихъ имени: «Континентальный социализмъ пересталъ быть страшнымъ для насъ». Но въ 1887 году «Континентальнымъ социализмомъ» была почти исключительно теорія, изложенная въ «Манифестъ». Такимъ образомъ, на исторіи «Манифеста» до извѣстной степени отражается исторія рабочаго движенія послѣ 1848 г. Въ настоящее время онъ несомнѣнно представляетъ собою наиболѣе распространенное и наиболѣе международное произведеніе во всей социалистической литературѣ, общую программу многихъ милліоновъ рабочихъ всѣхъ странъ, отъ Сибири до Калифорніи.

И, однако, во время его появленія мы не могли его назвать *социалистическимъ* манифестомъ. Въ 1847 г. социалистами назывались два разряда людей. Съ одной стороны, приверженцы различныхъ утопическихъ системъ, и особенно, оунисты въ Англіи и фурьеристы во Франціи, причемъ и тѣ, и другіе выродились тогда въ простыя, постепенно вымиравшія, секты. Съ другой стороны, къ социалистамъ принадлежали тогда всякіе социальные прожектеры, которые различными панацеями и всевозможными заплатами стремились устранить общественныя бѣдствія, не причинивъ ни малѣйшаго неудобства ни капиталу, ни прибыли. Въ обоихъ случаяхъ это были люди, стоявшіе внѣ рабочаго движенія и искавшіе поддержки скорѣе у «образованныхъ классовъ». Напротивъ, та часть рабочаго класса, которая, убѣдившись въ недостаточности простыхъ политическихъ переворотовъ, требовала кореннаго переустройства общества, называла себя тогда *комму-*

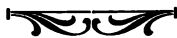
нистической. Это былъ малопродуманный и инстинктивный, подчасъ грубоватый, коммунизмъ; но онъ былъ достаточно силенъ для того, чтобы породить двѣ системы утопическаго коммунизма: во Франціи «икарійскій» коммунизмъ Кабэ, въ Германіи коммунизмъ Вейтлинга. Соціализмомъ называлось въ 1847 г. буржуазное движеніе, коммунизмомъ — движеніе рабочихъ. Для соціализма, по крайней мѣрѣ, на континентѣ были открыты двери салоновъ, предъ коммунизмомъ они были крѣпко заперты. А такъ какъ мы уже тогда твердо держались того убѣжденія, что «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ», то мы не могли ни на минуту колебаться относительно того, какое изъ этихъ двухъ названій намъ слѣдуетъ выбрать. Впослѣдствіи намъ тоже никогда не приходило въ голову отказаться отъ названія «*коммунисты*.»

... Только немногіе голоса отозвались намъ, когда мы, сорокъ два года тому назадъ, бинули въ міръ нашъ кличъ наканунѣ первой парижской революціи, въ которой пролетаріатъ выступилъ съ самостоятельными требованіями. Но 28-го сентября 1864-го года пролетаріи большинства западно-европейскихъ странъ соединились въ славной памяти Международное Товарищество Рабочихъ. Само это Товарищество прожило, правда, лишь девять лѣтъ. Но, что созданный имъ вѣчный союзъ пролетаріевъ всѣхъ странъ живетъ до сихъ поръ и теперь имѣетъ больше силъ, чѣмъ когда-либо, это лучше всего доказывается нынѣшнимъ днемъ. Сегодня, когда я пишу эти строки, европейскій и американскій пролетаріатъ дѣлаетъ смотръ своимъ боевымъ силамъ, впервые мобилизованнымъ въ единое войско, подъ единымъ знаменемъ и ради единой ближайшей цѣли: ради установленія закономъ нормальнаго рабочаго дня, требованіе котораго выставлено было уже на женеvскомъ съѣздѣ Международнаго Товарищества Рабочихъ и затѣмъ повторено Международнымъ Рабочимъ Конгрессомъ 1889-го года въ Парижѣ. И зрѣлище нынѣшняго дня покажетъ капиталистамъ и землевладѣльцамъ всѣхъ странъ, что пролетаріи всѣхъ странъ дѣйствительно соединились.

О, если бы Марксъ былъ теперь со мною, чтобы видѣть это собственными глазами!

Ф. Энгельсъ.

Лондонъ, 1-го мая 1890 г.



I. Буржуа и пролетаріи.

Вся исторія общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ *).

Свободный и рабъ, патрицій и плебей, помѣщикъ и крѣпостной, цеховой мастеръ и подмастерье, короче—угнетатель и угнетаемый находились въ вѣчной враждѣ другъ съ другомъ, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революціоннымъ переустройствомъ всего общественнаго зданія или совмѣстной гибелью борющихся классовъ.

Въ историческія эпохи, предшествующія нашей, мы находимъ почти повсюду полное расчлененіе общества на различныя сословія, цѣлую лѣстницу различныхъ общественныхъ положеній. Въ древнемъ Римѣ мы встрѣчаемъ патриціевъ, всадниковъ, плебеевъ и рабовъ. Въ средніе вѣка появляются сюзерены, вассалы, цеховые мастера, подмастерья и крѣпостные. И въ каждомъ изъ этихъ классовъ существуютъ еще особыя подраздѣленія.

Выросшее на развалинахъ феодализма, современное буржуазное общество не уничтожило различія классовъ. Оно только поставило новые классы на мѣсто старыхъ, выработало новые способы угнетенія и новые виды борьбы.

*) Говоря точно—та исторія, о которой существуютъ письменныя свидѣтельства. Въ 1847 году была еще почти совершенно неизвѣстна исторія первобытнаго общества, общественная организація, предшествующая всякой писанной исторіи. Съ тѣхъ поръ Гакстгаузенъ открылъ общинную собственность на землю въ Россіи, а Мауреръ показалъ, что эта форма землевладѣнія была общественной основой, отъ которой отправлялись въ своемъ историческомъ развитіи всѣ германскія племена. Постепенно оказалось также, что сельская община съ общиннымъ землевладѣніемъ была первоначальной формой общества отъ Индіи до Ирландіи. Наконецъ, внутренняя организація этого первобытнаго коммунистическаго общества въ его типической формѣ обнаружена была Морганомъ, открывшимъ истинный характеръ *рода* (гензъ) и мѣсто, занимаемое родомъ въ племени. Со времени разложенія первобытной общины начинается раздѣленіе общества на различныя, а затѣмъ и противоположныя классы.

Наша эпоха, эпоха буржуазіи, отличается, однако, тѣмъ, что она упростила различіе общественныхъ положеній. Общество все болѣе и болѣе раздѣляется на два большіе враждебные лагеря, на два большіе, стоящіе другъ противъ друга, класса: буржуазію и пролетаріатъ.

Изъ средневѣковыхъ крѣпостныхъ образовалось мѣщанское населеніе первыхъ городовъ; изъ этого мѣщанства развились первые элементы буржуазіи.

Открытіе Америки и морского пути вокругъ Африки создало новое поприще для растущей буржуазіи. Остъ-индскій и китайскій рынки, колонизація Америки, обмѣнъ съ колоніями, увеличеніе количества орудій обращенія и вообще товаровъ дали неслыханный до тѣхъ поръ толчекъ торговлѣ, мореплаванію, промышленности и тѣмъ значительно ускорили развитіе революціоннаго элемента въ разлагавшемся феодальномъ обществѣ.

Тогдашній феодальный или цеховой способъ производства не въ состояніи былъ удовлетворить потребностямъ новыхъ рынковъ. Мѣсто его заняла мануфактура. Цеховые мастера вытѣснены были промышленнымъ среднимъ сословіемъ; раздѣленіе труда между различными корпораціями исчезло передъ раздѣленіемъ труда внутри мастерской.

Но рынокъ все болѣе расширялся, спросъ постоянно увеличивался. Мануфактурный способъ производства въ свою очередь оказался неудовлетворительнымъ. Тогда паръ и машина произвели революцію въ промышленности. Мѣсто мануфактуры заняла нынѣшняя крупная промышленность; мѣсто средняго сословія — миллионеры-промышленники, предводители цѣлыхъ промышленныхъ армій, современные буржуа.

Крупная промышленность создала всемірный рынокъ, подготовленный открытіемъ Америки. Всемірный рынокъ вызвалъ громадное развитіе торговли, мореплаванія и средствъ сухопутнаго сообщенія. Это снова повліяло на развитіе промышленности, и въ той же пропорціи, въ какой росли промышленность, торговля, мореплаваніе и желѣзныя дороги, развивалась буржуазія. увеличивались ея капиталы, и она отодвигала на задній планъ всѣ классы стараго средневѣковаго общества.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что буржуазія сама является продуктомъ длиннаго хода развитія, цѣлаго ряда переворотовъ въ способахъ производства и обмѣна. Каждая изъ этихъ ступеней развитія буржуазіи сопровождалась соответствующими ей политическими завоеваніями. Буржуазія, которая представляла собою то угнетенное подъ игомъ феодаловъ сословіе, то вооруженную и самоуправляющуюся ассоціацію въ городской Коммунѣ; буржуазія, которая здѣсь была независимой городской республикой, тамъ

третьимъ податнымъ сословіемъ монархическаго государства; которая явилась, затѣмъ, противовѣсомъ дворянству въ монархіи абсолютной или ограниченной сословнымъ представительствомъ— буржуазія, вообще послужившая главной основой большихъ монархій, завоевала себѣ, наконецъ, съ появленіемъ крупной промышленности и всемірнаго рынка, исключительную политическую власть въ новѣйшемъ конституціонномъ государствѣ. Современная государственная власть есть не болѣе, какъ комитетъ, выбранный для завѣдыванія общественными дѣлами буржуазіи.

Буржуазія играла въ исторіи въ высшей степени революціонную роль.

Всюду, гдѣ она достигла господства, буржуазія разрушила всѣ старыя, патріархально-идиллическія отношенія. Она безжалостно разорвала пестрыя феодальныя нити, связывавшія человѣка съ его повелителями, и не оставила между людьми никакой связи, кромѣ голаго интереса, безсердечнаго чистогана. Въ холодной водѣ эгоистическаго разчета потопила она порывы набожной мечтательности, рыцарскаго воодушевленія и мѣщанской сентиментальности. Она превратила въ мѣновую стоимость личное достоинство человѣка и на мѣсто безчисленнаго множества видовъ благопріобрѣтенной и патентованной свободы поставила одну, чуждую идеальныхъ соображеній, свободу торговли. Словомъ, эксплуатацію, прикрытую религіозными и политическими иллюзіями, она замѣнила эксплуатаціей прямой, открытой, сухой и безстыдной.

Буржуазія лишила обаянія всѣ тѣ роды дѣятельности, на которыя до тѣхъ поръ смотрѣли съ благоговѣйнымъ почтеніемъ. Врачъ, юристъ, священникъ, поэтъ, человѣкъ науки сдѣлались ея наемными работниками.

Буржуазія сорвала съ семейныхъ отношеній ихъ нѣжно-сентиментальный покровъ и превратила ихъ въ дѣло простаго денежнаго разсчета.

Буржуазія разоблачила ту лѣнивую неподвижность, которая составляла естественное дополненіе грубаго средневѣковаго проявленія силы, до сихъ поръ восхищающаго реакціонеровъ. Она впервые показала, какіе плоды можетъ приносить человѣческая дѣятельность. Чудеса ея искусства существенно отличаются отъ египетскихъ пирамидъ, римскихъ водопроводовъ и готическихъ соборовъ, ея завоеванія не имѣютъ ничего общаго съ переселеніями народовъ и крестовыми походами.

Буржуазія не можетъ существовать, не вызывая постоянныхъ переворотовъ въ орудіяхъ производства и въ его организаціи, а, слѣдовательно, и во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. неизмѣнное сохраненіе старыхъ способовъ производства было, напротивъ, первымъ условіемъ существованія всѣхъ предшествовав-

шихъ ей промышленныхъ классовъ. Постоянные перевороты въ производствѣ, непрерывное потрясеніе всѣхъ общественныхъ отношеній, вѣчное движеніе и вѣчная неувѣренность отличаютъ буржуазную эпоху отъ всѣхъ предшествовавшихъ. Всѣ прочныя, окаменѣлыя отношенія, съ соответствующими имъ, изстари установленными воззрѣніями и представленіями, разрушаются, всѣ вновь образовавшіяся оказываются устарѣлыми прежде, чѣмъ успѣваютъ окостенѣть. Все сословное и недвижимое исчезаетъ, все священное оскверняется, и люди приходятъ, наконецъ, къ необходимости взглянуть трезвыми глазами на свои взаимныя отношенія и свое жизненное положеніе.

Потребность въ постоянно возрастающемъ сбытѣ для ея продуктовъ заставляетъ буржуазію обѣгать весь земной шаръ. Она должна проникать, вѣдраться и заводить сношенія повсюду.

Своей эксплуатацией всемірнаго рынка буржуазія преобразовала въ космополитическомъ духѣ производство и потребленіе всѣхъ странъ. Къ великому огорченію реакціонеровъ, она лишила промышленность національной почвы. Старыя національныя отрасли производства уничтожены или уничтожаются съ каждымъ днемъ. Онѣ вытѣсняются новыми отраслями промышленности, введеніе которыхъ является вопросомъ жизни для всѣхъ цивилизованныхъ націй, тѣми отраслями промышленности, которыя обрабатываютъ не мѣстные только сырые продукты, но и произведенія самыхъ отдаленныхъ странъ. Въ свою очередь, фабричныя продукты этой новой промышленности потребляются не только внутри страны, но и во всѣхъ частяхъ свѣта. Прельнія потребности, удовлетворявшіяся съ помощью мѣстныхъ продуктовъ, замѣнились новыми, для удовлетворенія которыхъ необходимы произведенія отдаленнѣйшихъ странъ и разнообразнѣйшихъ климатовъ. Прежняя національная замкнутость и самодовольство уступаютъ мѣсто всестороннему обмѣну и всесторонней взаимной зависимости народовъ. Этотъ всесторонній обмѣнъ распространяется также и на произведенія умственного труда. Плоды умственной дѣятельности отдѣльныхъ націй становятся общимъ достояніемъ. Национальная односторонность и ограниченность становятся теперь все болѣе и болѣе невозможными, и изъ многихъ національныхъ и мѣстныхъ литературъ образуется одна всемірная литература.

Быстрымъ усовершенствованіемъ орудій производства и безконечно облегченными средствами сообщенія буржуазія толкаетъ на путь цивилизаціи всѣ, даже самые варварскіе, народы.

Низкія цѣны товаровъ являются въ ея рукахъ той тяжелой артиллеріей, съ помощью которой разрушаетъ она всѣ китайскія стѣны и принуждаетъ къ капитуляціи самую упорную ненависть варваровъ къ иностранцамъ. Она заставляетъ всѣ націи принять

буржуазные способы производства, подъ угрозой полного ихъ раззоренія; она заставляетъ ихъ усвоить такъ называемую цивилизацію, т. е. сдѣлаться буржуа. Словомъ, она творитъ новый міръ по своему образу и подобию.

Буржуазія подчинила деревню господству города. Она вывела къ жизни огромные города, въ высокой степени увеличила городское населеніе, сравнительно съ сельскимъ, и вырвала, такимъ образомъ, значительную часть жителей страны изъ отупляющей обстановки деревни. И рядомъ съ этимъ подчиненіемъ деревни городу, она поставила варварскія и полуварварскія страны въ зависимость отъ цивилизованныхъ, крестьянскіе народы—отъ буржуазныхъ, востокъ—отъ запада.

Буржуазія все болѣе и болѣе уничтожаетъ раздробленіе имущества, населенія и средствъ производства. Она сгустила населеніе, централизовала средства производства и концентрировала собственность въ немногихъ рукахъ. Необходимымъ слѣдствіемъ этого была политическая централизація. Независимыя, едва связанные между собою провинціи съ различными интересами, законами, управленіемъ и таможеннымъ тарифомъ, сплотились въ одну націю, съ единымъ правительствомъ, однообразнымъ законодательствомъ, однимъ національнымъ классовымъ интересомъ и одною таможенной линіей.

Менѣе чѣмъ во сто лѣтъ своего господства, буржуазія создала болѣе могущественныя и болѣе грандіозныя производительныя силы, чѣмъ всѣ предшествующія поколѣнія, вмѣстѣ взятая. Подчиненіе человѣку силъ природы, машины, примѣненіе химіи къ земледѣлю и промышленности, пароходы, желѣзныя дороги, электрическіе телеграфы, эксплуатація цѣлыхъ частей свѣта, приспособленіе рѣкъ для судоходства, цѣлыя, какъ бы изъ земли выросшія населенія... въ какомъ изъ предшествующихъ столѣтій могли предполагать, что подобныя производительныя силы таятся въ нѣдрахъ общественнаго труда?

Мы видѣли, стало быть, что средства производства и сообщенія, которыя послужили основаніемъ для могущества буржуазіи, получили начало еще въ феодальномъ обществѣ. На извѣстной ступени развитія этихъ средствъ производства и сообщенія, условія, среди которыхъ совершались производство и обмѣнъ въ феодальномъ обществѣ, феодальная организація земледѣлія и промышленности, словомъ, феодальныя имущественныя отношенія оказались несоотвѣтствующими вызваннымъ къ жизни производительнымъ силамъ. Эти отношенія стѣсняли производство, а не облегчали его. Они сдѣлались его цѣпами. Ихъ нужно было ниспровергнуть, и они были ниспровернуты.

Мѣсто ихъ заняла свободная конкуренція съ соотвѣтствующимъ ей общественнымъ и политическимъ строемъ, съ экономическимъ и политическимъ господствомъ буржуазіи.

На нашихъ глазахъ совершается подобное этому историческое движеніе. Современное буржуазное общество съ его имущественными отношеніями, съ его организаціей производства и обмѣна, какъ бы волшебствомъ создавшее такія могущественныя средства производства и сообщенія, это общество находится въ положеніи волшебника, который не въ состояніи справиться съ, вызванными его заклинаніями, подземными силами. Вотъ уже нѣсколько десятилѣтій исторія промышленности и торговли представляетъ собою исторію возмущенія современныхъ производительныхъ силъ противъ современной организаціи производства, противъ имущественныхъ отношеній, этихъ условій жизни для буржуазіи и его господства. Чтобы пояснить это, достаточно назвать торговые кризисы, которые, возвращаясь періодически, все болѣе и болѣе угрожаютъ существованію всего буржуазнаго общества. Во время промышленныхъ кризисовъ постоянно уничтожается значительная часть не только готовыхъ уже продуктовъ, но и находящихся въ распоряженіи общества производительныхъ силъ.

Во время кризисовъ появляется эпидемія, которая во всѣхъ предшествовавшія эпохи показала бы нелѣпостью—эпидемія излишняго производства. Общество вдругъ возвращается на нѣкоторое время въ варварское состояніе; можно подумать, что голодъ или всеобщая истребительная война лишила его всѣхъ жизненныхъ средствъ; промышленность и торговля какъ бы уничтожаются и почему? Потому, что общество слишкомъ цивилизовано, потому, что торговля и промышленность его развиты слишкомъ высоко. Находящіяся въ его распоряженіи производительныя силы не способствуютъ уже сохраненію буржуазныхъ имущественныхъ отношеній; напротивъ, онѣ стали слишкомъ велики для этихъ отношеній, онѣ встрѣчаютъ въ нихъ препятствіе, а когда имъ удастся одолѣть это послѣднее, онѣ приводятъ въ разстройство все буржуазное общество, угрожаютъ существованію буржуазной собственности. Буржуазныя отношенія оказываются слишкомъ узкими, чтобы вмѣстить созданное ими богатство. Какимъ образомъ устраняетъ буржуазія кризисы? Съ одной стороны, путемъ уничтоженія цѣлой массы производительныхъ силъ; съ другой стороны, посредствомъ завоеванія новыхъ, и болѣе широкой эксплуатаціи старыхъ рынковъ. Слѣдовательно, ни чѣмъ другимъ, какъ подготовленіемъ болѣе широкихъ и сильныхъ кризисовъ и уменьшеніемъ средствъ противодѣйствія имъ.

Оружіе, которымъ буржуазія на смерть поразила феодализмъ, направляется теперь противъ самой буржуазіи.

Но она не только выковала оружіе, которое нанесетъ ей смертельный ударъ, она породила также и людей, которые направятъ это оружіе—современныхъ работниковъ, *пролетаріевъ*.

Въ той же самой степени, въ какой развивается буржуазія, т. е., капиталъ, развивается и пролетаріатъ, классъ современныхъ работниковъ, которые только тогда и могутъ существовать, когда находятъ работу, а находятъ ее только до тѣхъ поръ, пока трудъ ихъ приноситъ прибыль капиталу. Эти работники, вынужденные продавать себя поштучно, представляютъ собой такой же товаръ, какъ и всякій другой предметъ торговли, а потому находятся въ зависимости отъ всѣхъ случайностей конкуренціи, отъ всѣхъ колебаній рынка.

Работа этихъ пролетаріевъ, благодаря машинамъ и раздѣленію труда, совершенно лишилась самостоятельнаго характера и потеряла, поэтому, всякую привлекательность для трудящихся.

Работникъ сдѣлался простымъ придаткомъ къ машинѣ, отъ котораго требуется лишь рядъ самыхъ простыхъ, самыхъ однообразныхъ, легче всего изучаемыхъ движеній. Издержки предпринимателя на покупку рабочей силы ограничиваются, поэтому, стоимостью содержанія работника и поддержанія его расы. Извѣстно, что цѣна всякаго товара, а слѣдовательно, и труда, равняется издержкамъ его производства. Поэтому, чѣмъ болѣе уменьшается привлекательность работы, тѣмъ болѣе падаетъ и заработная плата. Даже болѣе: въ той же пропорціи, въ которой возрастаетъ примѣненіе машинъ и раздѣленіе труда, возрастаетъ и количество его, затрачиваемое работникомъ: это достигается благодаря удлиненію рабочаго дня или путемъ увеличенія напряженія, требуемаго отъ рабочаго въ данное время, путемъ ускоренія движенія машинъ и т. д.

Современная промышленность превратила маленькую мастерскую патріархальнаго ремесленника въ большую фабрику капиталиста, скученныя на фабрикахъ массы рабочихъ организуются по солдатски. Какъ рядовые промышленной арміи, становятся они подъ надзоръ цѣлой іерархіи унтеръ-офицеровъ и офицеровъ. Они—рабы не только цѣлаго класса буржуазіи, буржуазнаго государства; ежедневно и ежечасно поработаются они машиной, надсмотрщиками, а прежде всего, разумѣется, самимъ буржуа-предпринимателемъ. И тѣмъ мелочнѣе, тѣмъ ненавистнѣе становится этотъ деспотизмъ, тѣмъ болѣе оставляетъ онъ горечи, чѣмъ откровеннѣе провозглашается нажива его послѣднею цѣлью.

Чѣмъ менѣе ловкости и силы требуетъ ручной трудъ, т. е. чѣмъ болѣе развивается современная промышленность, тѣмъ бо-

лѣ вытѣсняется мужской трудъ женскимъ. Различія пола и возраста не имѣютъ болѣе такого общественнаго значенія по отношенію къ рабочему классу. Предприниматель видитъ передъ собой только рабочіе инструменты, цѣна которыхъ измѣняется сообразно съ возрастомъ и поломъ.

Когда фабриканты выжимаютъ все, что можно, изъ рабочихъ, и послѣдніе получаютъ, наконецъ, свою заработную плату, на нихъ набрасываются другія части буржуазіи: домовладѣльцы, лавочники, ростовщики и т. д.

Низшіе слои средняго сословія, мелкіе промышленники, купцы и рантье, ремесленники и крестьяне, всѣ эти слои все болѣе и болѣе переходятъ въ ряды пролетаріата, частью потому, что ихъ незначительный капиталъ недостаточенъ для крупнаго производства и не выдерживаетъ конкуренціи большихъ капиталовъ, частью же потому, что ихъ техническіе приемы теряютъ свое значеніе при новыхъ способахъ производства. Такъ рекрутируется пролетаріатъ изъ всѣхъ классовъ населенія.

Пролетаріатъ проходитъ черезъ различныя ступени развитія. Его борьба противъ буржуазіи начинается съ самимъ его существованіемъ.

Сначала рабочіе борются по-одиночкѣ, потомъ сплачиваются рабочіе одной фабрики, далѣе—одной отрасли промышленности въ извѣстной мѣстности противъ отдѣльныхъ, непосредственно ихъ эксплуатирующихъ, буржуа. Они нападаютъ не только на буржуазныя условія производства, но и на самыя орудія труда; они разбиваютъ машины, уничтожаютъ иностранные товары, конкуренція которыхъ лишаетъ ихъ заработка, поджигаютъ фабрики, стараясь поддерживать клонящееся къ упадку положеніе средневѣковаго работника.

На этой ступени развитія рабочіе представляютъ собою разсѣянную по всей странѣ и разъединенную конкуренціей массу. Массовыя движенія рабочихъ не являются тогда слѣдствіемъ самостоятельнаго ихъ сплоченія, но вызываются буржуазіей, которая, для достиженія своихъ политическихъ цѣлей, должна и еще можетъ приводить въ движеніе весь рабочій классъ. На этой ступени рабочіе борются, слѣдовательно, не съ своимъ собственнымъ непріателемъ, они побиваютъ враговъ своихъ враговъ,—остатки абсолютной монархіи, поземельныхъ собственниковъ, непромышленную буржуазію, мелкихъ представителей средняго сословія. Все историческое движеніе концентрируется, такимъ образомъ, въ рукахъ буржуазіи. Каждая побѣда, которую удается одержать, есть побѣда буржуазіи.

Но съ развитіемъ промышленности увеличивается не только численный составъ пролетаріата; онъ группируется въ большія массы, сила его растетъ, и онъ болѣе сознаетъ ея наличность.

Интересы и жизненное положеніе рабочихъ все болѣе и болѣе приводятся къ одному уровню, между тѣмъ какъ машинное производство все болѣе и болѣе стираетъ различіе между всѣми отраслями труда и почти повсюду низводитъ рабочую плату до одинаково низкой степени. Усиливающаяся конкуренція предпринимателей и вызываемые ею промышленные кризисы обуславливаютъ болѣе сильныя колебанія заработной платы; съ возрастающей быстротой развивающееся усовершенствованіе машинъ дѣлаетъ жизненное положеніе рабочихъ все менѣе и менѣе обеспеченнымъ; столкновенія между отдѣльными работниками и предпринимателями все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ столкновеній двухъ классовъ общества. Рабочіе начинаютъ устраивать стачки для совместной борьбы противъ буржуа; совокупными силами отстаиваютъ они свою заработную плату. Они устраиваютъ даже постоянныя ассоціаціи, которыя могли бы поддерживать ихъ въ минуты активной борьбы; мѣстами борьба эта переходитъ въ открытыя возстанія.

Иногда рабочіе остаются побѣдителями, но не надолго. Существеннымъ результатомъ ихъ борьбы является не непосредственный успѣхъ, но все болѣе возрастающее спланиваніе ихъ между собою. Ему способствуетъ вызываемое развитіемъ крупной промышленности улучшеніе средствъ сообщенія, которое приводитъ въ соприкосновеніе работниковъ различныхъ мѣстностей. Только это соприкосновеніе и нужно, чтобы борьбу рабочихъ отдѣльных мѣстностей, повсюду носящую одинъ и тотъ же характеръ, превратить въ классовую борьбу цѣлаго народа. Но каждая классовая борьба есть борьба политическая. И объединеніе, для котораго средневѣковымъ гражданамъ, съ ихъ проселочными дорогами, нужны были столѣтія, совершается современными рабочими, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, въ немногіе годы.

Эта организація пролетаріевъ въ отдѣльный классъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ политическую партію, ежеминутно разбивается конкуренціей рабочихъ между собою. Но она возникаетъ снова и снова, каждый разъ крѣпче, сильнѣе, могущественнѣе. Пользуясь взаимными несогласіями различныхъ слоевъ буржуазіи, она добивается признанія нѣкоторыхъ интересовъ рабочихъ со стороны закона. Такъ было съ десятичасовымъ биллемъ въ Англии.

Несогласія внутри стараго общества всегда способствуютъ, такъ или иначе, развитію пролетаріата. Буржуазія ведетъ постоянную борьбу; сначала—противъ аристократіи, потомъ противъ тѣхъ слоевъ своего класса, интересамъ которыхъ противорѣчитъ развитіе крупной промышленности; борьба ея противъ буржуазіи другихъ государствъ не прекращается никогда. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ буржуазія вынуждена обращаться къ пролетаріату,

просить его помощи и толкать его, такимъ образомъ, на путь политическихъ движеній. Она сообщаетъ, слѣдовательно, пролетаріату свое политическое воспитаніе, т. е., вручаетъ ему оружіе противъ себя самой.

Кромѣ того, по мѣрѣ развитія крупной промышленности цѣлые слои господствующаго класса переходятъ, какъ мы видѣли, въ ряды пролетаріата, или, по крайней мѣрѣ, подвергаются опасности потерять свое общественное положеніе.

Они также являются воспитательнымъ элементомъ въ средѣ пролетаріата.

Наконецъ, въ тѣ періоды, когда борьба классовъ близится къ развязкѣ, процессъ разложенія въ средѣ господствующаго класса, внутри всего стараго общества, достигаетъ такой сильной степени, что нѣкоторая часть господствующаго класса отдѣляется отъ него и примыкаетъ къ революціонному классу, несущему знамя будущаго. Какъ часть дворянства соединилась нѣкогда съ буржуазіей, такъ переходитъ теперь къ пролетаріату часть буржуазіи, именно буржуа-идеологи, которые возвысились до теоретическаго пониманія всего хода историческаго движенія.

Изо всѣхъ классовъ, которые противостоятъ теперь буржуазіи, только пролетаріатъ представляетъ собою революціонный классъ. Всѣ прочіе классы приходятъ въ упадокъ и уничтожаются съ развитіемъ крупной промышленности; пролетаріатъ же именно ею и создается.

Средніе слои, мелкіе купцы и промышленники, ремесленники и крестьяне всѣ они борются противъ буржуазіи, чтобы отстоять свое существованіе, какъ среднихъ слоевъ. Слѣдовательно, они консервативны. Еще болѣе того, они реакціонны: они стремятся повернуть назадъ колесо исторіи. Если они имѣютъ революціонное значеніе, то лишь постольку, поскольку имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ не современные, но будущіе свои интересы, поскольку они покидаютъ свою точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата.

Пролетаріатъ оборванцевъ (Лумпенъ-пролетаріатъ*), этотъ пассивный продуктъ разложенія самыхъ низшихъ слоевъ стараго общества, мѣстами вовлекается въ революціонное движеніе пролетаріата, но по всей своей жизненной обстановкѣ онъ гораздо болѣе склоненъ продавать себя для реакціонныхъ козней.

Жизненные условія стараго общества уже теперь совершенно не существуютъ для пролетаріата. Пролетарій не имѣетъ собствен-

*) Нѣмецкое слово Lumpenproletariat болѣе или менѣ подходитъ подъ наше русское выраженіе „босая команда“, но такъ какъ это выраженіе употребляется только въ нѣкоторыхъ южно-русскихъ городахъ, то мы не рѣшились поставить его въ текстъ. *Прим. перев.*

ности; его отношенія къ женѣ и дѣтямъ не имѣютъ болѣе ничего общаго съ буржуазными семейными отношеніями; современный промышленный трудъ, современное иго капитала, одинаковое, какъ въ Англии, такъ и во Франціи, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Германіи, стерло съ него всякій національный характеръ. Законы, мораль, религія являются для него не болѣе, какъ буржуазными предразсудками, подъ которыми скрываются тѣ или другіе буржуазные интересы.

Всѣ предшествующіе пролетаріату классы, достигая господства, старались упрочить уже приобрѣтенное ими общественное положеніе, ставя все общество въ условія, наиболѣе благоприятныя для ихъ обогащенія. Пролетаріи же могутъ овладѣть общественными производительными силами только тогда, когда они уничтожатъ свой собственный, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ современные способы приобрѣтенія имущества. Пролетаріамъ нечего упрочивать, они должны, напротивъ, разрушать всѣ упрочившіеся способы частнаго обогащенія и частнаго обезпеченія.

Всѣ до сихъ поръ возникавшія движенія были движеніями меньшинства или совершались въ интересахъ меньшинства. Движеніе пролетаріата есть самостоятельное движеніе огромнаго большинства въ интересахъ огромнаго большинства. Пролетаріатъ самый низшій слой современнаго общества, не можетъ подняться, не можетъ выпрямиться, не уничтожая въ прахъ всю возвышающуюся надъ нимъ надстройку изъ слоевъ, образующихъ офиціальное общество.

Если не по сущности, то по формѣ борьба пролетаріата противъ буржуазіи есть прежде всего борьба національная. Пролетаріатъ каждой страны, естественно, долженъ покончить съ своей собственной буржуазіей...

Всѣ донинѣ существовавшіе виды общественнаго устройства основывались, какъ мы видѣли, на противоположности угнетаемыхъ и угнетающихъ классовъ. Но, чтобы угнетать извѣстный классъ, нужно создать условія, среди которыхъ онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, поддерживать свое подневольное существованіе. Подъ гнетомъ лежавшаго на немъ ига, крѣпостной возвысился однако до степени члена коммуны, подобно тому, какъ горожанинъ выросъ до буржуа, несмотря на гнетъ феодальнаго абсолютизма. Напротивъ, современный рабочій, вмѣсто того, чтобы возвышаться вмѣстѣ съ прогрессомъ промышленности, все болѣе опускается ниже условій существованія своего собственнаго класса. Работникъ становится нищимъ, и нищета развивается еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство. Все болѣе дѣлается очевиднымъ, что буржуазія не способна оставаться господствующимъ классомъ и возводить условія своего существованія въ норму, регулирующую весь общественный

строй. Она не способна къ господству, потому что она не можетъ обезпечить своему рабу даже его рабское существованіе, потому что она вынуждена была довести его до такого состоянія, въ которомъ она должна кормить его, вмѣсто того, чтобы существовать на его счетъ. Общество не можетъ болѣе жить подъ ея властью; другими словами, жизнь буржуазіи несовмѣстима болѣе съ жизнью общества.

Самое важное условіе существованія и господства буржуазнаго класса есть накопленіе богатства въ рукахъ частныхъ лицъ, образованіе и умноженіе капиталовъ. Условіе существованія капитала есть наемный трудъ. Наемный трудъ основывается исключительно на конкуренціи рабочихъ между собою. Прогрессъ промышленности, носителемъ котораго не можетъ не быть буржуазія, ставитъ на мѣсто разъединенія рабочихъ посредствомъ конкуренціи, революціонное объединеніе ихъ посредствомъ ассоціаціи. Съ развитіемъ крупной промышленности вырывается, слѣдовательно, изъ подъ ногъ буржуазіи то самое основаніе, на которомъ она производитъ и присваиваетъ себѣ продукты. Она производитъ прежде всего своихъ собственныхъ могильщиковъ. Ея пораженіе и побѣда пролетаріата одинаково неизбѣжны.

II. Пролетаріи и коммунисты.

Въ какомъ отношеніи стоятъ коммунисты къ пролетаріямъ вообще?

Коммунисты не составляютъ какой-либо особой партіи, противостоящей другимъ рабочимъ партіямъ.

У нихъ нѣтъ такихъ интересовъ, которые не совпадали бы съ интересами всего пролетаріата.

Они не выставляютъ никакихъ особыхъ принциповъ, подобно которымъ они хотѣли бы формировать движеніе пролетаріевъ.

Коммунисты отличаются отъ другихъ рабочихъ партій только тѣмъ, что, съ одной стороны, въ движеніи пролетаріевъ различныхъ націй они выдѣляютъ и отстаиваютъ общіе, независимые отъ національности, интересы всего пролетаріата; съ другой стороны—тѣмъ, что на различныхъ стадіяхъ развитія, черезъ которыя проходитъ борьба пролетаріевъ противъ буржуазіи, они всегда защищаютъ общіе интересы движенія въ его цѣломъ.

Такимъ образомъ, коммунисты на практикѣ представляютъ собою самую рѣшительную, всегда впередъ стремящуюся часть рабочихъ партій всѣхъ странъ, а въ теоретическомъ отношеніи они имѣютъ передъ остальной массой пролетаріата то преимуще-

ство, что понимаютъ условія, ходъ и общіе результаты рабочаго движенія.

Теоретическія положенія коммунистовъ ни въ какомъ случаѣ не основываются на идеяхъ и принципахъ, открытыхъ и установленныхъ тѣмъ или другимъ всемірнымъ реформаторомъ.

Они представляютъ собою лишь общее выраженіе современныхъ отношеній, существующей нынѣ борьбы классовъ, совершающагося на нашихъ глазахъ историческаго движенія. Уничтоженіе старыхъ формъ имущественныхъ отношеній не представляетъ собою стремленія, свойственнаго исключительно коммунистамъ.

Имущественныя отношенія всегда подлежали постоянной исторической смѣнѣ, постояннымъ историческимъ измѣненіямъ.

Такъ, на примѣръ, французская революція уничтожила феодалную форму собственности въ пользу собственности буржуазной.

Характерною особенностью коммунизма является не уничтоженіе собственности вообще, а уничтоженіе собственности буржуазной.

Но современная буржуазная частная собственность есть послѣднее и самое полное выраженіе способа производства и присвоенія продуктовъ, основаннаго на антагонизмѣ классовъ, на эксплуатаціи однихъ другими.

Въ этомъ смыслѣ коммунисты могутъ выразить свою теорію словами: уничтоженіе частной собственности.

Насъ, коммунистовъ, упрекали въ томъ, что мы хотимъ будто бы уничтожить собственность, пріобрѣтенную личнымъ трудомъ, собственность, служащую основаніемъ личной свободы, самостоятельности и самостоятельности.

Собственность, пріобрѣтенная личнымъ трудомъ! Говорите-ли вы о мелко-мѣщанской и о крестьянской собственности, которая предшествовала собственности буржуазной? Намъ нечего уничтожать ее: развитіе крупной промышленности уже уничтожило или уничтожаетъ ее ежедневно.

Или говорите вы о современной буржуазной частной собственности?

Но развѣ трудъ наемныхъ рабочихъ, пролетаріевъ, даетъ имъ собственность? Никогда. Ихъ трудомъ создается капиталъ, т. е. собственность, эксплуатирующая наемный трудъ, собственность, которая можетъ умножаться только тогда, когда она создаетъ новый наемный трудъ, чтобы вновь его эксплуатировать. Въ ея теперешнемъ видѣ собственность основывается на противоположности между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Разсмотримъ эту противоположность съ обѣихъ сторонъ.

Быть капиталистомъ—значить занимать по отношенію къ производству не только личное, но также и извѣстное общественное положеніе.

Капиталь есть продуктъ общественнаго труда и можетъ быть употребленъ въ дѣло лишь совокупными усиліями многихъ членовъ, въ послѣднемъ счетѣ—всѣхъ членовъ общества.

Слѣдовательно, капиталъ есть не личная, а общественная сила.

Если, поэтому, капиталъ будетъ обращенъ въ общественную, всѣмъ гражданамъ принадлежащую собственность, то это не будетъ превращеніемъ частной собственности въ общественную. Измѣнится только общественный характеръ собственности. Она потеряетъ свой классовый характеръ.

Перейдемъ къ наемному труду.

Средняя цѣна наемнаго труда есть минимумъ заработной платы, т. е., сумма жизненныхъ средствъ, не превышающая того, что необходимо для поддержанія жизни рабочихъ. Такимъ образомъ, того, что пріобрѣтаетъ рабочій своею дѣятельностью, едва хватаетъ для поддержанія его существованія.

Мы вовсе не хотимъ уничтожить это личное присвоеніе продуктовъ труда, необходимыхъ для непосредственнаго поддержанія жизни, это присвоеніе, которое не оставляетъ никакого чистаго дохода, дающаго власть надъ другимъ. Мы хотимъ только уничтожить нищенскій характеръ этого присвоенія, благодаря которому рабочій живетъ лишь для того, чтобы увеличивать капиталъ, и живетъ только до тѣхъ поръ, пока это входитъ въ интересы господствующихъ классовъ.

Въ буржуазномъ обществѣ живой трудъ работника есть только средство увеличенія накопленнаго труда. Въ коммунистическомъ обществѣ накопленный трудъ есть только средство, способствующее расширенію сферы жизни рабочаго и ея удобствамъ.

Такимъ образомъ, въ буржуазномъ обществѣ прошедшее господствуетъ надъ настоящимъ, въ коммунистическомъ—настоящее надъ прошедшимъ. Въ буржуазномъ обществѣ капиталъ обладаетъ самостоятельностью и индивидуальностью, между тѣмъ, какъ трудящійся индивидуумъ является несамостоятельнымъ и обезличеннымъ.

И уничтоженіе этихъ то отношеній буржуазія называетъ уничтоженіемъ личности и свободы! И она права. Рѣчь идетъ, дѣйствительно объ уничтоженіи буржуазной личности, буржуазной самостоятельности и буржуазной свободы.

При современныхъ буржуазныхъ условіяхъ производства подъ свободой понимаютъ свободу торговли, свободу купли и продажи.

Съ паденіемъ барышничества падаетъ, конечно, и свободное барышничество. Защита свободнаго барышничества, какъ и всѣ

буржуазныя бравады въ защиту свободы, имѣть смыслъ лишь въ виду несвободнаго барышничества. въ виду подневольнаго положенія средневѣковыхъ горожанъ, а не тогда, когда рѣчь идетъ о коммунистическомъ уничтоженіи барышничества, буржуазныхъ условій производства и самой буржуазіи.

Вы возмущаетесь тѣмъ, что мы хотимъ уничтожить частную собственность. Но въ вашемъ теперешнемъ обществѣ она уничтожена уже для девяти десятыхъ населенія. Она существуетъ именно потому, что не существуетъ для этихъ девяти десятыхъ. Вы упрекаете насъ, слѣдовательно, въ томъ, что мы хотимъ уничтожить собственность, необходимой посылкой которой является отсутствіе ея у огромнаго большинства членовъ общества.

Словомъ, вы упрекаете насъ въ томъ, что мы хотимъ уничтожить вашу собственность. И дѣйствительно мы хотимъ сдѣлать это.

Съ той минуты, когда работа не будетъ болѣе превращаться въ капиталъ, деньги, поземельную ренту, короче—въ общественную силу, которая можетъ быть монополизированной, т. е., съ той минуты, когда личная собственность не будетъ превращаться въ собственность буржуазную, съ этой минуты, заявляете вы, человѣческая личность будетъ уничтожена.

Вы сами сознаетесь, такимъ образомъ, что подъ человѣческой личностью вы понимаете только буржуа, обладателя буржуазной собственности. Такая личность, дѣйствительно, должна быть уничтожена.

Коммунизмъ никому не помѣшаетъ присваивать себѣ общественные продукты, онъ устранилъ только возможность пользоваться этимъ присвоеніемъ для подчиненія чужого труда.

Возражаютъ также, что съ уничтоженіемъ частной собственности прекратится всякая самодѣятельность и воцарится всеобщая лѣнь.

Если бы это опасеніе было основательно, то буржуазное общество давно уже должно было бы разрушиться, благодаря всеобщей неподвижности; вѣдь трудящіеся его члены ничего не приобрѣтаютъ, а приобрѣтающіе—не трудятся.

Всѣ эти опасенія сводятся къ простой тавтологіи, гласящей, что не будетъ наемнаго труда тамъ, гдѣ не будетъ болѣе капитала.

Всѣ возраженія противъ коммунистическаго способа производства и распредѣленія матеріальныхъ продуктовъ распространялись также и на производство и распредѣленіе продуктовъ умственнаго труда. Подобно тому, какъ уничтоженіе частной собственности представляется буржуазіи уничтоженіемъ самаго производства, такъ и уничтоженіе классоваго характера современнаго образованія кажется ей равносильнымъ уничтоженію образованія вообще.

Образованіе, гибель котораго она оплакиваетъ, для огромнаго большинства является не болѣе, какъ обращеніемъ въ машину.

Но не спорьте же съ нами, оцѣнивая уничтоженіе буржуазной собственности съ точки зрѣнія *вашихъ* понятій о свободѣ, образованіи, правѣ и т. д. Ваши идеи сами порождены буржуазными условіями производства и распределенія, точно такъ же, какъ ваше право есть только возведенная въ законъ воля вашего класса, воля, содержаніе которой опредѣляется матеріальными условіями существованія вашего класса.

Пристрастіе, благодаря которому вы превращаете ваши имущественныя отношенія и ваши условія производства изъ отношеній, исторически сложившихся и измѣняющихся въ ходѣ развитія того же производства въ вѣчные законы природы и разума, это пристрастіе свойственно вамъ такъ же, какъ и всѣмъ, прежде васъ господствовавшимъ классамъ. Когда заходитъ рѣчь о буржуазной собственности, вы не хотите понять то, что кажется вамъ понятнымъ, когда говорятъ о собственности античной или феодальной.

Уничтоженіе семьи! Даже самые крайніе радикалы возмущаются этимъ гнуснымъ намѣреніемъ коммунистовъ.

На чемъ держится современная, буржуазная семья? На капиталѣ, на частной наживѣ. Въ совершенно развитомъ видѣ она существуетъ только для буржуазіи, но она находитъ свое дополненіе въ вынужденномъ безбрачій пролетаріевъ и въ открытой проституціи.

Буржуазная семья естественно должна будетъ пасть вмѣстѣ съ паденіемъ этого ея дополненія, и оба они вмѣстѣ исчезнутъ съ исчезновеніемъ капитала.

Упрекнете ли вы насъ въ томъ, что мы хотимъ прекратить эксплуатацію дѣтей родителями? Мы заранѣе сознаемся въ этомъ преступленіи.

Но вы утверждаете, что, стремясь замѣнить домашнее воспитаніе общественнымъ, мы хотимъ уничтожить самую дорогія челоуѣку отношенія.

А развѣ наше воспитаніе не находится подъ вліяніемъ общества? Развѣ не опредѣляется оно общественными отношеніями, прямымъ и косвеннымъ вмѣшательствомъ общества, организаціей школъ и т. д. Не коммунисты выдумали вліяніе общества на воспитаніе; они только измѣняютъ характеръ воспитанія, устраняютъ вліяніе на него господствующаго класса.

Буржуазныя разглагольствованія о семьѣ и о воспитаніи, о нѣжныхъ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, внушаютъ тѣмъ болѣе отвращенія, чѣмъ болѣе разрушаются всѣ семейныя связи въ средѣ пролетаріата, благодаря крупной промышленности, и чѣмъ болѣе дѣти рабочихъ превращаются въ простые товары и рабочіе инструменты.

«Но вы, коммунисты, хотите ввести общность женъ», кричитъ памъ хоромъ вся буржуазія.

Буржуа смотритъ на свою жену, какъ на простое орудіе производства. Онъ слышитъ, что орудія производства должны быть предоставлены въ общее пользованіе и, естественно, приходитъ къ тому заключенію, что и женщины подвергнутся той же участи.

Онъ и не подозрѣваетъ, что рѣчь идетъ объ устраненіи того положенія женщины, въ которомъ она является простымъ орудіемъ производства.

Впрочемъ, нѣтъ ничего смѣшнѣе высоконравственнаго ужаса нашихъ буржуа въ виду воображаемаго намѣренія коммунистовъ ввести официальную общность женъ. Коммунистамъ не нужно было бы вводить общность женъ, потому что она почти всегда существовала.

Не довольствуясь тѣмъ, что въ ихъ распоряженіи находятся жены и дочери пролетаріевъ, и не говоря уже объ официальной проституціи, наши буржуа съ особеннымъ наслажденіемъ занимаются развращеніемъ женъ другъ у друга.

Въ дѣйствительности буржуазный бракъ является общностью женъ. Коммунистовъ можно было бы упрекнуть развѣ лишь въ томъ, что они хотятъ поставить официальную общность женъ на мѣсто лицемѣрно скрываемой. Но само собою разумѣется, что съ уничтоженіемъ современныхъ условій производства исчезнетъ и создаваемая ими общность женъ, т. е., официальная и неофициальная проституція.

Коммунистовъ упрекаютъ далѣе въ томъ, что они хотятъ будто бы уничтожить отечество, національность.

Рабочіе не имѣютъ отечества. Нельзя лишитъ ихъ того, чего у нихъ нѣтъ. Стремясь прежде всего завоевать политическое господство, организовать въ одинъ національный классъ, устроиться въ предѣлахъ націи, пролетаріатъ еще остается національнымъ, хотя совершенно не въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово буржуазія.

Національная обособленность и противоположность интересовъ различныхъ народовъ уже теперь все болѣе и болѣе исчезаютъ, благодаря развитію буржуазіи, свободѣ торговли, всемірному рынку, однообразію способовъ производства и соответствующихъ имъ жизненныхъ отношеній.

Господство пролетаріата еще болѣе ускоритъ ихъ исчезновеніе. Соединеніе усилій, по крайней мѣрѣ, цивилизованныхъ странъ есть одно изъ первыхъ условій освобожденія пролетаріата.

Въ той же степени, въ какой уничтожена будетъ эксплуатація одного индивидуума другимъ, уничтожится и эксплуатація одной націи другою.

Вмѣстѣ съ антагонизмомъ классовъ внутри націи падуть и враждебныя отношенія націй между собою.

Обвиненія, возводимыя на коммунистовъ съ точекъ зрѣнія религіозной, идеологической и философской, вообще не заслуживаютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Трудно ли понять, что съ образомъ жизни людей, съ ихъ общественными отношеніями, съ ихъ общественнымъ положеніемъ мѣняются также и ихъ представленія, ихъ воззрѣнія, ихъ понятія, словомъ, все ихъ сознаніе?

Что же доказываетъ исторія идей, если не то, что умственная дѣятельность преобразуется вмѣстѣ съ матеріальной? Господствующими идеями даннаго времени всегда были только идеи господствующаго класса.

Говорятъ объ идеяхъ, которыя создаютъ революціонное настроеніе во всемъ обществѣ; этимъ выражаютъ только тотъ фактъ, что внутри стараго общества образовались элементы новаго строя. что рядомъ съ разрушеніемъ стараго образа жизни идетъ разложеніе старыхъ идей.

Когда древній міръ пришелъ въ упадокъ, древнія религіи были побѣждены христіанствомъ. Когда христіанскія идеи уступили мѣсто просвѣтительнымъ идеямъ 18-го вѣка, феодальное общество вело борьбу на жизнь и смерть съ революціонной тогда буржуазіей.

Идеи свободы совѣсти и религій выражали собою лишь господство свободной конкуренціи въ области знанія.

«Но,—скажутъ намъ,—религіозныя, нравственныя, философскія, правовыя и т. п. идеи измѣнялись, конечно, въ ходѣ историческаго развитія; однако, религія, нравственность, философія, политика, право всегда сохранялись въ этомъ непрерывномъ измѣненіи».

«Существуютъ, кромѣ того, вѣчныя истины: свобода, справедливость и т. п., которыя одинаково принадлежатъ всѣмъ фазамъ общественнаго развитія. Коммунизмъ же уничтожаетъ общія истины, онъ уничтожаетъ религію и нравственность, вмѣсто того, чтобы преобразовать ихъ; онъ противорѣчитъ, слѣдовательно, всему ходу историческаго развитія».

Къ чему сводится это обвиненіе? Исторія всѣхъ донинѣ существовавшихъ обществъ основывалась на противоположности классовъ, принимавшей въ различныя эпохи различныя виды.

Несмотря на различіе въ своихъ формахъ, эксплуатація одной части общества другою является фактомъ, общимъ всѣмъ прошлымъ столѣтіямъ. Неудивительно, поэтому, что общественное сознаніе всѣхъ вѣковъ, несмотря на всѣ различія и на все разнообразіе, вращалось до сихъ поръ въ извѣстныхъ общихъ фор-

махъ, которыя исчезнуть совершенно лишь съ полнымъ уничтоженіемъ противоположности классовъ.

Коммунистическій переворотъ есть самый радикальный разрывъ съ существующими имущественными отношеніями; неудивительно, что онъ вступаетъ въ самый радикальный разрывъ съ традиціонными идеями.

Оставимъ, однако, возраженія буржуазіи противъ коммунистовъ.

Мы уже видѣли выше, что первымъ шагомъ рабочаго переворота должно быть возвышеніе пролетаріата на степень господствующаго класса, завоеваніе демократіи.

Пролетаріатъ воспользуется своимъ политическимъ господствомъ, чтобы рядомъ нападений отнять у буржуазіи весь капиталъ, чтобы централизовать все орудія труда въ рукахъ государства, т. е., организованнаго въ качествѣ господствующаго класса пролетаріата, и по возможности скорѣе увеличить массу производительныхъ силъ.

Конечно, сначала это можетъ совершиться только путемъ деспотическихъ вторженій въ право собственности и въ буржуазныя условія производства, слѣдовательно, путемъ мѣропріятій, которыя съ экономической точки зрѣнія кажутся недостаточными и маловажными, но которыя въ ходѣ движенія перерастутъ самихъ себя и неизбежны, какъ средства для преобразования всего способа производства.

Эти мѣропріятія будутъ, конечно, различны въ различныхъ странахъ.

Однако, въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ могли бы почти повсюду быть приняты слѣдующія общія мѣры:

- 1) Экспроприация поземельной собственности и обращеніе поземельной ренты на покрытие государственныхъ расходовъ.
- 2) Высокій прогрессивно-подходящій налогъ.
- 3) Уничтоженіе права наслѣдства.
- 4) Конфискація имущества всехъ эмигрантовъ и бунтовщиковъ.
- 5) Централизація кредита въ рукахъ государства, посредствомъ національнаго банка съ государственнымъ капиталомъ и исключительной монополіей.
- 6) Централизація перевозочныхъ средствъ въ рукахъ государства.
- 7) Увеличеніе числа государственныхъ фабрикъ и орудій производства; воздѣлываніе и улучшеніе полей по общему плану.
- 8) Одинаковая обязательность труда для всехъ; учрежденіе армій труда, въ особенности для земледѣлія.

9) Соединеніе земледѣльческаго труда съ фабричнымъ, постепенное уничтоженіе различія между городомъ и деревней.

10) Общественное и даровое воспитаніе всѣхъ дѣтей. Устраненіе фабричной работы дѣтей въ современной ея формѣ. Соединеніе воспитанія съ матеріальнымъ производствомъ и т. д.

Когда, современнымъ, уничтожатся различія классовъ, и все производство сосредоточится въ рукахъ ассоціацій, общественная власть потеряетъ свой политическій характеръ. Политическая власть въ собственномъ смыслѣ этого слова есть организованная сила одного класса, имѣющая цѣлью подчиненіе другого класса. Если пролетаріатъ въ борьбѣ своей противъ буржуазіи объединяется какъ классъ, достигаетъ путемъ революціи господства и, какъ господствующій классъ, насильственно уничтожаетъ старыя условія производства, то этимъ онъ уничтожаетъ также и условія существованія антагонизма классовъ, классы вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое собственное классовое господство.

Мѣсто стараго буржуазнаго общества, съ его классами и антагонизмомъ классовъ, займетъ ассоціація, въ которой свободное развитіе *каждаго* будетъ условіемъ свободнаго развитія *всѣхъ*.

III. Соціалистическая и коммунистическая литература.

1) Реакціонный соціализмъ.

а) Феодальный соціализмъ.

Призваніе англійской и французской аристократіи по самому историческому ея положенію заключалось въ томъ, чтобы писать памфлеты противъ современнаго буржуазнаго общества. Во французской іюльской революціи 1830 года и въ англійскомъ движеніи въ пользу парламентской реформы она еще разъ была побѣждена ненавистнымъ ей выскочкой. О серьезной политической борьбѣ не могло быть болѣе и рѣчи. Оставалась только литературная борьба. Но и въ литературѣ говорить языкомъ временъ реставраціи было уже невозможно. Чтобы пріобрѣсти сочувствіе, аристократія должна была сдѣлать видъ, что она уже не заботится о своихъ собственныхъ интересахъ и составляетъ свой обвинительный актъ противъ буржуазіи лишь для защиты эксплуатируемаго рабочаго класса. Она доставляла себѣ, такимъ образомъ, удовольствіе сочинять пасквили на своего новаго господина и шептать ему на ухо болѣе или менѣе грозныя пророчества.

Такъ возникъ феодальный соціализмъ, представляющій собою—частью жалобу, частью пасквиль, частью отголосокъ прош-

лаго, частью угрозу будущаго,—по временамъ мѣтко поражающій буржуазію горькимъ, остроумнымъ и ѣдкимъ сужденіемъ, но всегда производящій комическое впечатлѣніе полною неспособностью понять ходъ новѣйшей исторіи.

Аристократія потрясала нищенской сумой пролетаріевъ, какъ знаменемъ, чтобы собрать вокругъ себя народъ. Но, слѣдуя за нею, онъ тотчасъ же замѣчалъ на ея спинѣ старыя феодальныя гербы и разбѣгался съ громкимъ, непочтительнымъ смѣхомъ.

Часть французскихъ легитимистовъ и «молодая Англія» разыграли эту комедію наилучшимъ образомъ.

Когда феодалы утверждаютъ, что ихъ способъ эксплуатаціи имѣлъ другой видъ, чѣмъ современная буржуазная эксплуатація, они забываютъ при этомъ, что они эксплуатировали при совершенно другихъ, нынѣ уже вполнѣ отжившихъ, условіяхъ и обстоятельствахъ. Когда они доказываютъ, что во время ихъ господства не существовало современнаго пролетаріата, то они забываютъ, что именно современная буржуазія была необходимымъ плодомъ ихъ общественнаго строя.

Они упрекаютъ буржуазію гораздо болѣе въ томъ, что она породила *революціонный* пролетаріатъ, чѣмъ въ томъ, что она создала пролетаріатъ вообще.

Въ политической практикѣ они принимаютъ, поэтому, участіе во всѣхъ насильственныхъ мѣрахъ противъ рабочаго класса. Въ обыденной жизни, вопреки своимъ напыщеннымъ словоизверженіямъ, они не упускаютъ случая къ наживѣ и не безъ выгоды обмѣниваютъ свою «преданность», «любовь», «честь» и т. п. на шерсть, свекловицу и водку.

Какъ попъ шелъ всегда рядомъ съ феодаломъ, такъ и поповскій социализмъ не отстаётъ отъ феодальнаго.

Нѣтъ ничего легче, какъ навязать христіанскому аскетизму социалистическій оттѣнокъ. Развѣ христіанство не возставало такъ же противъ частной собственности и государства? Развѣ не проповѣдывало оно бѣдности и благотворительности, безбрачія и умерщвленія плоти, затворничества и т. п.? Христіанскій социализмъ есть святая вода, которою попъ кропитъ озлобленіе аристократа.

в) Мелко-буржуазный социализмъ.

Не одна феодальная аристократія была классомъ ниспровергнутымъ буржуазіей, классомъ, положеніе котораго постоянно ухудшалось въ современномъ буржуазномъ обществѣ. Средневѣковое мѣщанство и мелкое крестьянство были предшественниками современной буржуазіи.

Въ странахъ, менѣе развитыхъ въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, классъ этотъ и до сихъ еще прозябаетъ

рядомъ съ развивающеюся буржуазіей. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ развилась современная цивилизація, образовался—и, какъ дополнительная часть буржуазнаго общества, постоянно вновь образуется,—новый слой мелкой буржуазіи, колеблющійся между пролетаріатомъ и буржуазіей. Но конкуренція постоянно сталкиваетъ принадлежащихъ къ этому классу лицъ въ ряды пролетаріата, и они уже начинаютъ предвидѣть приближеніе того момента, когда, съ развитіемъ крупной промышленности, они совершенно исчезнутъ, какъ самостоятельная часть современнаго общества, и въ торговлѣ, мануфактурахъ и земледѣліи замѣнятся надзирателями и наемными прислужниками.

Въ такихъ странахъ, какъ Франція, гдѣ крестьянство составляетъ гораздо болѣе половины всего населенія, естественно было появленіе писателей, которые, становясь на сторону пролетаріата, прикладывали къ буржуазному режиму мелко-буржуазную и мелко-крестьянскую мѣрку, и защищали дѣло рабочихъ съ мелко-буржуазной точки зрѣнія. Такъ возникъ мелко-буржуазный социализмъ. Сисмонди стоитъ во главѣ этого рода литературы не только во Франціи, но также и въ Англии.

Этотъ социализмъ прекрасно умѣлъ подмѣтить противорѣчія современныхъ условій производства. Онъ разоблачилъ лицемерный оптимизмъ экономистовъ. Онъ указалъ на разрушительное дѣйствіе машиннаго производства и раздѣленія труда, на концентрацію капиталовъ и поземельной собственности, на излишнее производство и кризисы, на неизбѣжный упадокъ мелкой буржуазіи и крестьянства, на нищету пролетаріата, на анархію въ производствѣ, на вопіющія несправедливости въ распредѣленіи, на раззорительную промышленную войну націи между собою, на разложеніе старыхъ нравовъ, старыхъ семейныхъ отношеній и старыхъ національностей.

Положительная сторона требованій этого социализма заключается или въ возстановленіи старыхъ способовъ производства и обмѣна, а вмѣстѣ съ ними и старыхъ имущественныхъ отношеній и стараго общественнаго строя; или же онъ стремится насильно удержать новѣйшіе способы производства и обмѣна въ рамкѣ старыхъ имущественныхъ отношеній, которыя они уже разбили и необходимо должны были разбить. Въ обоихъ случаяхъ онъ является реакціоннымъ и утопическимъ одновременно.

Цеховая организація промышленности и патріархальное сельское хозяйство являются послѣднимъ его словомъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи направленіе это выродилось въ трусливое нытье.

с) Нѣмецкій или „истинный“ социализм *).

Соціалистическая и коммунистическая литература Франціи, возникшая подъ давленіемъ господства буржуазіи и служившая литературнымъ выраженіемъ борьбы противъ этого господства, проникла въ Германію въ то время, когда тамошняя буржуазія только что начала свою борьбу противъ феодальнаго абсолютизма.

Нѣмецкіе любомудры, философы и полуфилософы съ жадностью набросились на эту литературу и забыли лишь то, что французскія отношенія не были перенесены въ Германію вмѣстѣ съ французской литературой. При тогдашнемъ общественномъ строѣ Германіи эта французская литература лишилась всякаго непосредственнаго практическаго значенія и приняла характеръ простаго литературнаго теченія. Она по необходимости явилась тамъ празднымъ умозрѣніемъ о сущности человѣка. Такъ, для нѣмецкихъ философовъ 19-го вѣка требованія первой французской революціи имѣли смыслъ лишь, какъ требованія «практическаго разума», а проявленія воли революціонной французской буржуазіи представлялись имъ законами «чистой воли», воли, какъ она должна быть, истинной человѣческой воли.

Все дѣло нѣмецкихъ литераторовъ состояло въ томъ, чтобы согласовать со своей старой философской совѣстью новыя французскія идеи, или вѣрнѣе, въ томъ, чтобы усвоить себѣ французскія идеи, оставаясь на своей старой философской точкѣ зрѣнія. Это усвоеніе совершилось такимъ же путемъ, какимъ происходитъ усвоеніе иностраннаго языка, т. е., посредствомъ перевода.

Извѣстно, что на манускриптахъ, содержавшихъ въ себѣ классическія произведенія древняго языческаго міра, монахи записывали нелѣпныя жизнеописанія католическихъ святыхъ. Нѣмецкіе писатели поступили съ французской литературой какъ разъ наоборотъ. Позади французскаго оригинала они вставили свои философскія безсмыслицы. Такъ, на примѣръ, изъ-за французской критики денежнаго хозяйства у нихъ выступало «отчужденіе человѣческой сущности», позади французской критики буржуазнаго государства красовалось «уничтоженіе господства Абстрактно-Всеобщаго» и т. д.

Эту подмѣну французской дѣйствительности философскими словоизверженіями они окрестили «Философіей Дѣла», «Истиннымъ Соціализмомъ», «Нѣмецкой Наукой Соціализма», «Философскимъ Обоснованіемъ Соціализма» и т. д.

Французская соціалистическая и коммунистическая литература, потеряла, такимъ образомъ, всякое серьезное содержаніе. И

*) Мы напоминаемъ читателю, что критика соціалистической литературы доходитъ въ Манифестѣ лишь до 1847 года. Поэтому, все сказанное въ немъ о „нѣмецкомъ социализмѣ“ ни въ какомъ случаѣ не относится къ современной нѣмецкой социальдемократіи *Прим. перев.*

такъ какъ въ рукахъ нѣмцевъ она перестала выражать борьбу одного класса противъ другого, то нѣмцы и вообразили себя призванными пополнить «французскую односторонность» и отстаивать вмѣсто истинныхъ потребностей потребность въ истинѣ, вмѣсто интересовъ пролетаріата интересы сущности человѣка, человѣка вообще, не принадлежащаго ни къ какому классу, и существующаго, поэтому, не въ дѣйствительности, а въ туманной области философской фантазіи.

Этотъ нѣмецкій социализмъ, такъ громко и важно кричавшій о своихъ жалкихъ схоластическихъ измышленіяхъ, лишился, однако, мало по малу своей педантической невинности.

Борьба нѣмецкой и, особенно, прусской буржуазіи противъ феодаловъ и королевскаго абсолютизма,—словомъ, либеральное движеніе,—приняла болѣе значительные размѣры.

«Истинному» социализму представлялся, такимъ образомъ, желанный случай противопоставить политическому движенію социалистическія требованія, расточать традиціонныя проклятія либерализму, представительному правленію, буржуазной конкуренціи, буржуазной свободѣ слова, буржуазному праву, буржуазной свободѣ и равенству, и проповѣдывать народной массѣ, что въ этомъ буржуазномъ движеніи она ничего не можетъ выиграть, но скорѣе рискуетъ потерять все. Нѣмецкій социализмъ весьма кстати забывалъ о томъ, что французская критика, неразумнымъ отголоскомъ которой онъ явился, имѣетъ въ виду современное буржуазное общество съ соответствующими ему экономическими отношеніями и политической организаціей, т. е., именно тѣ общественныя условія, о завоеваніи которыхъ только еще шла рѣчь въ Германіи.

Нѣмецкимъ абсолютнымъ правительствамъ, со всей ихъ свитою поповъ, школьныхъ учителей, помѣщиковъ и бюрократовъ, онъ служилъ очень удобнымъ пугаломъ противъ угрожающе выступившей буржуазіи.

Если «истинный» социализмъ сталъ, такимъ образомъ, въ рукахъ правительствъ оружіемъ противъ нѣмецкой буржуазіи, то онъ служилъ въ то же время непосредственнымъ выраженіемъ реакціонныхъ интересовъ мелкаго нѣмецкаго мѣщанства.

Унаслѣдованный еще отъ 16-го столѣтія, и съ того времени всегда умѣвшій отстоять свое существованіе въ той или другой формѣ, классъ мелкаго мѣщанства является истинной общественной основой существующаго въ Германіи порядка вещей.

Сохраненіе этого класса равносильно сохраненію этого порядка. Онъ страшится промышленнаго и политическаго господства буржуазіи потому, что оно несомнѣнно приведетъ его къ гибели, благодаря концентраціи капитала съ одной стороны и возник-

новенію класса революціоннаго пролетаріата—съ другой. «Истинный» социализмъ былъ, казалось, способенъ однимъ зарядомъ убить обоихъ зайцевъ. И онъ распространялся подобно эпидеміи.

Сотканный изъ умозрительной паутины, убранный цвѣтами краснорѣчиваго мудрствованія и омоченный слезами чувствительнаго умиленія покровъ, въ который нѣмецкіе социалисты закутывали свои двѣ-три окостенѣвшія истины, только содѣйствовали распространенію ихъ товара въ подобной публикѣ.

Съ своей стороны, нѣмецкій социализмъ все болѣе сознавалъ свое призваніе быть высокопарнымъ защитникомъ этого мѣщанства.

Онъ провозгласилъ нѣмецкую націю нормальной націей, а нѣмецкаго мѣщанина нормальнымъ человѣкомъ. Въ каждой мѣщанской низости онъ видѣлъ скрытый, высшій, социалистическій смыслъ, обращавшій ее въ нѣчто, совершенно противоположное ей. Послѣдовательный до конца, онъ открыто выступилъ противъ «дикого-разрушительнаго» направленія коммунизма и объявилъ себя выше борьбы классовъ. За весьма немногими исключеніями, всѣ циркулирующія въ Германіи, такъ называемыя, социалистическія и коммунистическія сочиненія принадлежатъ къ области этой грязной, разслабляющей литературы.

2) Консервативный или буржуазный социализмъ.

Извѣстная часть буржуазіи желаетъ устранить социальныя бѣдствія, чтобы упрочить существованіе буржуазнаго общества. Къ ней принадлежатъ экономисты, филантропы, гуманные люди, стремящіеся улучшить положеніе рабочаго класса, организаторы благотворительности, покровители животныхъ, учредители обществъ трезвости, крохотные реформаторы всевозможныхъ сортовъ. Этотъ буржуазный социализмъ создалъ даже цѣлыя системы.

Для примѣра укажемъ на прудоновскую «Philosophie de la Misère» («Философія нищеты»).

Послѣдователи этого буржуазнаго социализма хотятъ сохранить всѣ современные общественныя отношенія, устранивъ борьбу и опасности, составляющія необходимое ихъ слѣдствіе. Они хотятъ имѣть современное общество безъ революціонныхъ и разрушительныхъ его элементовъ. Они хотятъ буржуазію безъ пролетаріата. Буржуазіи естественно кажется лучшимъ изъ міровъ тотъ міръ, въ которомъ она господствуетъ. Буржуазный социализмъ возводитъ это радужное представленіе въ болѣе или менѣе полную систему. Предлагая пролетаріату осуществить его системы и вступить, такимъ образомъ, въ новый Іерусалимъ, этотъ социализмъ

въ сущности требуетъ только, чтобы рабочій продолжалъ жить въ буржуазномъ обществѣ, но пересталъ его ненавидѣть.

Другая, менѣе систематическая и болѣе практическая форма, этого социализма старается отвлечь рабочихъ отъ всякаго революціоннаго движенія, утверждая, что не тѣ или другія политическія измѣненія, но лишь преобразование матеріальныхъ условій жизни, экономическихъ отношеній можетъ принести пользу рабочему классу. Но подъ преобразованиемъ матеріальныхъ условій жизни этотъ социализмъ понимаетъ далеко не уничтоженіе буржуазныхъ условій производства, возможное только путемъ революціи.

Онъ имѣетъ въ виду административныя улучшенія, совершающіяся на почвѣ этой же самой организациі производства, слѣдовательно, ничего не измѣняющія въ отношеніяхъ капитала къ наемному труду и, въ крайнемъ случаѣ, только уменьшающія для буржуазіи издержки ея господства и упрощающія государственное хозяйство.

Наиболѣе подходящее для себя выраженіе буржуазный социализмъ находитъ лишь тогда, когда превращается въ простую риторическую фигуру.

Свободная торговля въ интересахъ рабочаго класса! Покровительственный тарифъ въ интересахъ рабочаго класса! Одинокое тюремное заключеніе въ интересахъ рабочаго класса! Это — послѣднее, единственное нелицемѣрно произнесенное слово буржуазнаго социализма.

Весь буржуазный социализмъ заключается въ повтореніи того, что буржуа сдѣлались буржуа единственно въ интересахъ рабочаго класса.

3) Критически-утопическій социализмъ и коммунизмъ.

Мы не говоримъ здѣсь о литературѣ, которая во всѣхъ большихъ революціяхъ новѣйшаго времени выражала требованія пролетаріата (сочиненія Бабѣфа и т. д.).

Первыя попытки пролетаріата доставить непосредственное торжество своимъ интересамъ, имѣвшія мѣсто во время всеобщаго возбужденія умовъ, въ періодъ низверженія феодальнаго строя, необходимо должны были разбиться вслѣдствіе неразвитаго состоянія самого пролетаріата и недостатка матеріальныхъ условій его освобожденія; условія эти сами являются продуктомъ лишь буржуазной эпохи. Революціонная литература, сопутствовавшая этимъ первымъ движеніямъ пролетаріата, по своему содержанію необходимо являлась реакціонной. Она проповѣдывала всеобщій аскетизмъ и установленіе первобытнаго равенства.

Собственно коммунистическія и социалистическія системы, системы Сень-Симона, Фурье, Оуэна и т. д. появились въ первый неразвитый періодъ борьбы между пролетариатомъ и буржуазіей, о которомъ мы говорили выше.

Творцы этихъ системъ видѣли уже антагонизмъ классовъ, равно какъ и вліяніе разрушительныхъ элементовъ внутри самого господствующаго общества. Но они не видѣли въ пролетариатѣ никакой исторической самодѣятельности, никакого, свойственнаго ему, политическаго движенія.

Такъ какъ развитіе антагонизма классовъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ промышленности, то въ свое время они не могли еще найти матеріальныхъ условій освобожденія пролетариата. Они старались пополнить этотъ недостатокъ открытіемъ социальныхъ законовъ, созданіемъ новой социальной науки.

Мѣсто общественной самодѣятельности должна была заступитъ ихъ личная творческая дѣятельность, мѣсто историческихъ условій освобожденія должны были занять условія фантастическія, мѣсто постепенно подвигающейся впередъ классовой организаціи пролетариата—общественная организація ихъ собственного изобрѣтенія. Дальнѣйшая исторія всего міра сводилась для нихъ къ пропагандѣ и практическому осуществленію ихъ реформаторскихъ плановъ.

При этомъ они понимали, правда, что со своими планами они являются выразителями интересовъ, главнымъ образомъ, рабочаго класса, какъ болѣе другихъ страдающаго. Но только въ этомъ качествѣ болѣе другихъ страдающаго класса и существовалъ для нихъ пролетариатъ.

Неразвитая форма борьбы классовъ, равно какъ и собственное ихъ общественное положеніе приводили къ тому, что они считали себя стоящими выше всякаго антагонизма классовъ. Они хотѣли улучшить положеніе всѣхъ членовъ общества, не исключая самыхъ высокопоставленныхъ. Поэтому они обращались всегда безразлично ко всему обществу и даже преимущественно къ господствующему классу. Имъ казалось, что достаточно было понять ихъ системы, чтобы немедленно признать ихъ наилучшими планами наилучшаго общественнаго устройства.

Они отказывались, поэтому, отъ всякой политической и, особенно, отъ всякой революціонной дѣятельности; они стремились достигнуть своей цѣли мирнымъ путемъ и посредствомъ маленькихъ, естественно неудававшихся экспериментовъ, они хотѣли силою примѣра проложить путь новому общественному евангелію.

Фантастическія описанія будущаго общества явились въ свѣтъ въ то время, когда пролетариатъ находился еще въ очень неразвитомъ состояніи и представлялъ себѣ свое положеніе еще

совершенно фантастически. Они соответствуют его первому, полному предчувствіи, порыву къ совершенному переустройству общества.

Но въ этихъ социалистическихъ и коммунистическихъ произведеніяхъ заключаются также и критическіе элементы.

Они затрагиваютъ всё основанія существующаго общества. Въ этомъ отношеніи они доставили драгоцѣнный матеріалъ для просвѣщенія рабочихъ. Положительная сторона ихъ ученій о будущемъ обществѣ, напимѣръ, уничтоженіе противоположности между городомъ и деревней, уничтоженіе семьи, частной собственности, наемнаго труда, провозглашеніе общественной гармоніи, превращеніе государства въ простое управленіе производствомъ,—всѣ эти положенія выражаютъ лишь необходимость устраненія того антагонизма классовъ, который только что начиналъ тогда развиваться и былъ имъ извѣстенъ лишь въ своемъ первичномъ неопредѣленномъ видѣ. Потому и положенія эти имѣютъ еще совершенно утопическій характеръ.

Значеніе критически-утопическаго социализма и коммунизма стоитъ въ обратномъ отношеніи къ историческому развитію. Въ той же самой степени, въ какой развивается и принимаетъ болѣе опредѣленный характеръ борьба классовъ, лишается всякаго практическаго смысла и всякаго теоретическаго оправданія это фантастическое стремленіе возвыситься надъ нею, это фантастически-отрицательное къ ней отношеніе.

Потому, если основатели этихъ системъ были во многихъ отношеніяхъ революціонерами, то ученики ихъ представляютъ собой совершенно реакціонныя секты. Они неизмѣнно держатся образа мыслей своихъ учителей, игнорируя весь дальнѣйшій ходъ развитія пролетаріата. Вслѣдствіе этого они стараются смягчить борьбу классовъ и устранить ихъ антагонизмъ. До сихъ поръ еще пытаются они осуществить свои утопіи путемъ учрежденія отдѣльныхъ фаланстеровъ, заведенія коммунистическихъ колоній, маленькихъ Икарій—этого карманнаго изданія новаго Іерусалима. Для постройки всѣхъ этихъ воздушныхъ замковъ они вынуждены взывать къ челоуѣколюбію буржуазныхъ сердець и кошельковъ. Мало по малу они переходятъ въ категорію описанныхъ выше реакціонныхъ и консервативныхъ социалистовъ, отличаясь отъ нихъ только болѣе систематическимъ педантизмомъ и фанатическою вѣрою въ чудесное свойство своей социальной науки.

Вотъ почему съ такимъ ожесточеніемъ выступаютъ они противъ всякаго политическаго движенія рабочихъ, вызываемаго по ихъ мнѣнію, лишь слѣпымъ невѣріемъ въ новое евангеліе.

Оуэнисты выступаютъ противъ чартистовъ въ Англии, фурьеристы—противъ избирательной реформы во Франціи.

IV. Отношеніе коммунистовъ къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ.

Послѣ того, что было сказано во 2-й главѣ, отношеніе коммунистовъ къ различнымъ уже существующимъ рабочимъ партіямъ понятно уже само собою, и, слѣдовательно, понятно и отношеніе ихъ къ чартистамъ въ Англіи и сторонникамъ аграрной реформы въ Сѣверной Америкѣ.

Они борются во имя ближайшихъ цѣлей и интересовъ рабочаго класса, но въ то же время они отстаиваютъ и будущность движенія. Во Франціи коммунисты примыкаютъ къ социаль-демократической партіи *) противъ консервативной и радикальной буржуазіи, при этомъ не отказываясь, однако, отъ права критически относиться къ усвоеннымъ по традиціи революціоннымъ фразамъ и иллюзіямъ.

Въ Швейцаріи они поддерживаютъ радикаловъ, помня, въ то же время, что эта партія состоитъ изъ противоположныхъ элементовъ: частью изъ социаль-демократовъ въ французскомъ смыслѣ, частью изъ радикальныхъ буржуа.

Въ Польшѣ коммунисты поддерживаютъ партію, ставящую аграрную революцію необходимымъ условіемъ національнаго освобожденія, ту самую партію, которая вызвала краковское возстаніе 1846 года.

Въ Германіи коммунистическая партія идетъ рядомъ съ буржуазіей, поскольку эта послѣдняя является революціонной въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи, противъ феодальной поземельной собственности и мелкаго мѣщанства.

Но ни на минуту не перестаетъ она вырабатывать въ умахъ рабочихъ возможно болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата. Она хочетъ, чтобы общественныя и политическія условія, которыя принесетъ съ собою господство буржуазіи, могли послужить нѣмецкимъ рабочимъ оружіемъ противъ той же буржуазіи, чтобы борьба противъ нея началась тотчасъ же послѣ паденія реакціонныхъ классовъ въ Германіи.

На Германію коммунисты обращаютъ главное свое вниманіе, потому что она находится наканунѣ буржуазной революціи: этотъ переворотъ совершится въ ней при гораздо далѣе подвинувшихся впередъ условіяхъ европейской цивилизаціи вообще и застанетъ пролетаріатъ въ гораздо болѣе развитомъ состояніи, чѣмъ онъ былъ въ Англіи 17-го и во Франціи 18-го столѣтія. Нѣмецкая

*) Партія, которая называла себя социаль-демократической въ тогдашней Франціи, была въ политикѣ представлена Ледрю-Ролленомъ, а въ литературѣ Луи Бланомъ и, слѣдовательно, была, какъ небо отъ земли далека отъ нынѣшней нѣмецкой социаль-демократіи.

буржуазная революція послужить, такимъ образомъ, лишь непосредственнымъ прологомъ рабочей революціи.

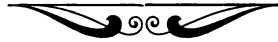
Словомъ, коммунисты поддерживаютъ повсюду всякое революціонное движеніе противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній.

Въ каждомъ изъ этихъ движеній они выдвигаютъ на первый планъ вопросъ о собственности, какъ основной вопросъ всего движенія, несмотря на то, что онъ не вездѣ является въ одинаково развитой формѣ.

Наконецъ, коммунисты повсюду стремятся къ соединенію и соглашенію демократическихъ партій всѣхъ странъ.

Коммунисты считаютъ позорнымъ скрывать свои воззрѣнія и стремленія.

Пролетаріи ничего не могутъ потерять въ борьбѣ. Приобрѣтутъ же они цѣлый міръ!...



Изданія книгоиздательства „Буревѣстникъ“:

- Экономическое учене Карла Маркса въ общедоступномъ изложеніи
К. Каутскаго. Полный переводъ. 2-е изд. Ц. 30 к.
- Карль Каутскій. Пролетаріатъ и общественный строй. Комментарій
къ положеніямъ, принятымъ на Эрфуртскомъ съѣздѣ въ
1891 г. Ц. 60 к.
- К. Марксъ. Гражданская война во Франціи (1870—1871). Съ пре-
дисловіемъ Ф. Энгельса. Ц. 15 к.
- Ф. Лассаль. О сущности конституціи. Съ предислов. Эд. Бернштейна.
2-е изд. Ц. 6 к.
- Ф. Лассаль. О программѣ работниковъ. Ц. 10 к.
- А. Бебель. Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ. 3-е изд.
Ц. 8 к.
- А. Бебель. О Бернштейнѣ. 2-е изд. Ц. 15 к.
- Вильгельмъ Либкнехтъ. Воспоминанія о Марксѣ. Съ портретомъ, фак-
симиле и снимкомъ съ могилы Маркса. Ц. 20 к.
- Л. Аксельродъ (Ордодоксъ). О проблемахъ идеализма. Ц. 15 к.
- Ф. Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Переводъ
В. Перовой подъ ред. и съ пред. Г. Плеханова. Ц. 15 к.
- Куртъ Эйсеръ. В. Либкнехтъ, его жизнь и дѣятельность. Съ портре-
томъ Либкнехта. Ц. 15 к.

Съ требованіями адресоваться:

Одесса. книгоиздательство „Буревѣстникъ“.

Отдѣленіе склада для С.-Петербурга: книжный магазинъ „Право“
Загородный пер., 2.

Отдѣленіе склада для Москвы: книжный магазинъ „Трудъ“ Тверская ул.

На мелкіе заказы просятъ прилагать марки, присчитывая на каж-
дый рубль заказа 25 коп. на пересылку. Выписывающіе изъ склада
на три рубля и больше за пересылку не платятъ. Наложнымъ
платежемъ не высылаются.